

На правах рукописи

ГРАНЕВА Ирина Юрьевна

**РУССКИЕ ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В СВЕТЕ
ИНТЕГРАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА:
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Нижний Новгород — 2022

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и общего языкознания ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Радбиль Тимур Беньюминович

Официальные оппоненты:

Ковшова Мария Львовна, доктор филологических наук, ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», Отдел прикладного и теоретического языкознания, ведущий научный сотрудник;

Петрухина Елена Васильевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» кафедра русского языка филологического факультета, профессор;

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», кафедра русского языка факультета филологии и журналистики, профессор.

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Защита состоится 6 октября 2022 г. в 11 ч. на заседании диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 — и на сайте <http://diss.unn.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2022 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено «лексикографическому портретированию» русских личных местоимений I и II лица в свете идей интегрального описания языка через призму коммуникативно-прагматического, лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного подходов.

Личные местоимения, входящие в древнейший словарный фонд всех языков мира и известные каждому говорящему на естественном языке с младенческих лет, тем не менее до сих пор являются одной из самых «загадочных» частей речи, будучи трудно доступными для исчерпывающей и непротиворечивой научной интерпретации.

Личные местоимения, прежде всего личные местоимения I и II лица, выступают в качестве основных референциальных механизмов человеческой коммуникации, потому что задают основные точки отсчета любого коммуникативного акта, очерчивая позиции говорящего и адресата. Точнее говоря, без эксплицитного или имплицитного указания на участников коммуникации вообще невозможен никакой коммуникативный акт в непосредственном или опосредованном речевом взаимодействии.

Особое положение личных местоимений в языке связано с антропоцентричностью его устройства, с тем, что именно личные местоимения участвуют в структурировании «я» говорящего в коммуникативном акте. Еще В. фон Гумбольдт основывал на этом свой тезис о фундаментальности, первичности личных местоимений в языке как в историческом, так и в логическом плане.

Но этим далеко не исчерпывается большое значение личных местоимений в реальной жизни языка, социума и культуры. Личные местоимения играют важнейшую роль в познавательной и ценностно-ориентационной деятельности человека, метафорически выражая идею уникальности человеческого бытия в мире, человеческой «отдельности» и субъективности (Я), идею «другого» как основы для человеческой коммуникации, которая есть вообще выражение самой сути человеческого существования (ТЫ и ВЫ) идею общечеловеческой общности, идею кооперативности, совместности человеческой деятельности на Земле (МЫ). Этим объясняется активность употребления личных местоимений в совершенно разных коммуникативных условиях и в совершенно разных типах устной и письменной речи, где проявляется и столь разнообразный спектр их семантических и коннотативных возможностей, которые далеко не сводятся к указанию на лицо, непосредственно участвующее в коммуникации.

Поэтому недостаточно описать системно-структурные свойства личных местоимений на уровне лексической и грамматической синтагматики и парадигматики, необходимо выйти в сферу анализа экстралингвистических факторов их употребления (прагматических, когнитивных, психологических, социокультурных).

Актуальность данного исследования определяется тем, что избранный в исследовании коммуникативно-прагматический подход к описанию личных местоимений находится в русле одного из наиболее перспективных на сего-

дняшний день направлений изучения языковых явлений, а именно — антропоцентрического подхода к анализу языка [Рахилина 1989], который в данной работе представлен в рамках ведущих идей теории референции [Падучева 1985], коммуникативной теории языка [Успенский 2007] и лингвистической прагматики [Булыгина, Шмелев 1997].

Кроме этого, избранный нами подход соотносится с актуальной для современной науки темой нелинейного характера многих базовых единиц и категорий естественного языка, переходности языковых явлений [Бабайцева 2000], которую мы трактуем в духе крайне перспективного направления изучения семантики — исследование «семантической деривации» в рамках «порождающей семантики» [Падучева 2000; Кустова 2004].

И, наконец, самое прямое отношение данное исследование имеет и к таким важным для парадигмы современного гуманитарного знания проблемам, как «языковая концептуализация мира» [Апресян 1995; Fauconnier 1995; Sperber, & Wilson 2015], «языковая картина мира» [Jackendoff 2002; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], «когнитивно-дискурсивное описание фактов языка и речи» [Lakoff 1987; Langacker 1987; Дейк 1989; Демьянков 1994 и 1995; КСКТ 1996; Кубрякова 2004], а также «ценностная интерпретация действительности» [Арутюнова 1988], «эстетическое, креативное использование языка» [Ремчукова 2001] и «языковое манипулирование сознанием» [Медведева 2003], которые разрабатываются на стыке когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и психолингвистики.

В настоящей работе принято поддерживающееся многими лингвистами представление о разграничении местоимений собственно личных, к которым в языках мира относятся местоимения, указывающие на двух базовых участников коммуникации — говорящего и слушающего (т.е. местоимения I и II л.), и несобственно-личных, «лично-указательных» или «возвратных», для которых эта функция либо определяется «от противного» (‘лицо, не участвующее в коммуникации’), либо осложняется другими — анафорическими или «отсылочными» функциями (местоимения III л.) [Майтинская 1967; Бенвенист 1974]. В нашей работе мы, в соответствии с указанными выше соображениями, ограничиваемся установкой на описание только собственно личных местоимений, к которым относятся местоимения I и II лица.

Все сказанное выше позволяет сформулировать **объект, предмет, цель и задачи** исследования.

Объектом исследования является сфера личных местоимений в русском языке, рассматриваемых в плане особенностей их референции, реализации дейктических функций и определенного номинативного потенциала, коммуникативно-прагматических свойств, а также в свете лингвокультурологической и когнитивно-дискурсивной интерпретации.

Непосредственным **предметом** исследования являются значения и типы употребления личных местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в разных коммуникативных условиях в синхроническом аспекте описания, а также разнообразные рефлексии их дискурсивного варьирования в речевых практиках носителей русского языка.

Цель исследования — на основе коммуникативно-прагматического подхода осуществить комплексное синхроническое «лексикографическое портретирование» русских личных местоимений Я, ТЫ, МЫ, ВЫ в свете идей и принципов интегрального описания языка с учетом результатов действия механизмов «семантической деривации», а также осуществить содержательную интерпретацию их дискурсивного варьирования через призму лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного подходов.

В связи с этим можно определить конкретные **задачи** исследования:

- осветить лингвистическую традицию и современное состояние вопроса по изучению русских личных местоимений;
- изучить русские личные местоимения I и II л. в историко-лингвистическом и в типологическом аспектах, в лексикографических источниках и грамматических описаниях;
- определить теоретические основы применения принципов коммуникативно-прагматического описания личных местоимений на основе теории референции и «порождающей семантики», концепции «номинативизации дейксиса»;
- разработать методологию и методику коммуникативно-прагматического подхода к «лексикографическому портретированию» личных местоимений в свете идей интегрального описания языка, а также соответствующий этому подходу метаязык описания;
- рассмотреть типы первичных и вторичных, а также нереферентных употреблений русских местоимений I и II лица посредством коммуникативно-прагматического подхода;
- проанализировать явления лексикализации и субстантивации личных местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ через призму языковых механизмов «номинативизации дейксиса»;
- охарактеризовать русские личные местоимения I и II лица как компоненты фразеологизмов;
- на основе проведенного анализа смоделировать иерархическую семантическую структуру типов употребления местоимений Я, ТЫ, МЫ, ВЫ и схематически отобразить ее в соответствующих «лексикографических портретах» указанных местоимений;
- осуществить лингвокультурологический анализ национальной и культурной обусловленности моделей употребления личных местоимений, их роли в выражении ключевых идей русской языковой картины мира и в оценочной интерпретации действительности в культуре и языке;
- описать рефлекс дискурсивного варьирования личных местоимений в разных речевых практиках, в том числе стилеобразующие и текстообразующие функции личных местоимений, особенности их реализации в моделях манипулятивной коммуникации и явления неузуальной субстантивации личных местоимений в дискурсах разного типа.

Указанные цель и задачи позволяют сформулировать исходную **рабочую гипотезу**: комплексное исследование того, что реально означают и как реально функционируют местоимения Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в речевой практике

общества, возможно лишь при обращении к анализу референциальных возможностей этих местоимений, разных коммуникативных и прагматических условий их употребления в дискурсах разного типа, т.е. в рамках подхода, который именуется в данной работе «коммуникативно-прагматическим подходом». При этом максимально полное «лексикографическое портретирование» русских личных местоимений требует рассмотрения разнообразных результатов их дискурсивного варьирования, в том числе моделей неузуальной речевой реализации, в свете лингвокультурологической и когнитивно-дискурсивной интерпретации.

Материал исследования. Для реализации поставленной цели и задач необходим исследовательский материал, предполагающий максимальную широту и многообразие источников разного типа. Все источники языкового материала для анализа в настоящей работе можно распределить по следующим группам:

(1) словари современного русского языка, исторические и этимологические словари, издания энциклопедического и справочного характера, академические грамматики и учебные пособия в качестве материала для лексикографического и функционально-грамматического анализа.

(2) художественные и публицистические тексты классических и современных авторов (произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Е. Замятина, О. Мандельштама, Н. Заболоцкого, М. Барщевского, Вл. Соловьева и др.);

(3) тексты СМИ и рекламы (журналы «Деньги» и «Эксперт», газеты «Аргументы и факты», «Известия», «Комсомольская правда», «Российская газета», другие издания коммерческого и рекламного характера;

(4) Интернет-источники — различные сайты, форумы, блоги, «живые дневники», online конференции, серверы современной поэзии и прозы и т.д., представленные в русскоязычном интернете;

(5) национальный корпус русского языка» (НКРЯ).

Объем обследованного материала. Всего проанализировано 1482 словоупотребления Я, 1632 словоупотребления ТЫ, 1508 словоупотреблений МЫ и 1577 словоупотреблений ВЫ, с учетом форм словоизменения. Выборка производилась по 29 источникам текстового материала и по 41 Интернет-источнику. Из Национального корпуса русского языка извлечено 1544 расширенных контекстов (текстов или фрагментов текста, где встречается искомая форма). В дополнение к этому по данным Национального корпуса русского языка были выявлены контексты неузуальных субстантивированных употреблений личных местоимений I и II лица в количестве: для Я — 148, для ТЫ — 72, для МЫ — 96, для ВЫ — 42 контекста.

Степень изученности проблемы. Местоимения как особый тип слов, с присущими только ему свойствами и функциями, были осознаны еще учеными Древней Греции [Крылов 1989; Сусов 2006]. В российской традиции теоретическое рассмотрение местоимений начинается с М.В. Ломоносова [Ломоносов 1950]. В грамматическом труде второй половины XVIII века — «Российской грамматике» А.А.Барсова личные местоимения получают свой

собственный классификационный разряд [Барсов 1981: 526]. Качественно новый этап в понимании природы местоимений был осуществлен в грамматическом учении А.А. Потебни, который одним из первых в русской грамматической традиции разделил все слова языка, независимо от частеречной принадлежности, с точки зрения выполняемой ими функции на два лексико-семантических типа: слова «качественные», отражавшие действительность в её конкретных признаках, и «указательные», означавшие явления и восприятия указанием на их отношение к говорящему (особый грамматический класс местоимений) [Потебня 1941: 237 и далее].

Таким образом, в русской грамматической традиции формируются две противоположные тенденции в определении статуса местоимения, в зависимости от того, какой признак кладется в основу классификации. Первая традиция, опираясь на особенности семантики (обобщенность, формальность, относительность) и функций (указательная, дейктическая), выделяет местоимения в особую часть речи [Шахматов 1941; Мигирин 1973; Сидоренко 1989; Урунова 2007 и др.]. В числе сторонников выделения местоимений в особую часть речи следует отметить, например, В.Н. Мигирину, который вместо термина «личные местоимения» использует термин «коммуникативно-относительные местоимения» [Мигирин 1973]. Более узкое понимание местоимений, основанное на исключительно формальных морфологических признаках, представлено в концепции А.А. Шахматова [Шахматов 1941].

Вторая традиция, опираясь на грамматические свойства, склоняется к тому, что по категориальному значению и набору основных грамматических категорий местоимения не представляют собой особой специфики в сравнении с другими частями речи, и потому не являются особой частью речи [Пауль 1960; Пешковский 1956; Щерба 1974; Бенвенист 1974 и др.]. Так, например, А.М. Пешковский в работе «Русский синтаксис в научном освещении» не рассматривает местоимения в качестве особой части речи: он выделяет «слова с предельно отвлечённым значением субъективно-объективного типа» и выделяет одиннадцать разрядов таких слов, включая личные (*я, мой, моему* и др.) [Пешковский 1956: 163]. Учитывая указанную грамматическую неоднородность местоимений, и Л.В. Щерба в работе «Языковая система и речевая деятельность» приходит к выводу, что местоимения не составляют особой части речи и распределяются по другим частям речи [Щерба 1974]. Как отмечал В.В. Виноградов, местоимение исключалось из числа частей речи уже в работах И.И. Давыдова, Г.П. Павского, К.С. Аксакова [Виноградов 1972]. Особенно решительно выражена эта точка зрения в трудах грамматистов фортунатовской школы [Реформатский 1979]. Согласно этому подходу, система местоимений «параллельна системе назывных частей речи» [Маслов 1981], «дублируя» специфическую систему частей речи данного языка.

В наше время аналогичный подход отчасти разделяет «Русская грамматика» АН СССР 1980, в которой отсутствует выделение местоимения в качестве особой части речи, но представлены особые группы слов-местоимений в ряду четырех важнейших частей речи: местоимение-

существительное, местоимение-прилагательное, местоимение-числительное и местоименное наречие [Грамматика 1980].

В XX в. выработался такой взгляд на местоимения вообще и на личные местоимения в частности, который стал определенным компромиссом между двумя указанными выше крайними точками зрения. Общая мысль такого «промежуточного» подхода заключается в том, что местоимения следует выделять в особую часть речи, охватывающую немногочисленные склоняемые слова, указывающие на предмет, наряду с местоименными прилагательными, числительными и наречиями. Такой подход связан прежде всего с грамматическими воззрениями академика В.В. Виноградова. В.В. Виноградов отказывает местоимениям в «грамматической определенности». Однако, по мнению ученого, все же есть особая группа слов с местоименным значением, которая обладает определенными грамматическими категориями, спецификой в сфере словоизменения. Их он называет «предметно-личными местоимениями» [Виноградов 1972].

Однако в последнее время в лингвистике набирает ход антропоцентрическая парадигма [Апресян 1995 и др.], при которой единицы и категории языка рассматриваются с точки зрения их когнитивных, прагматических и коммуникативных возможностей, т.е. в широком смысле — с точки зрения их назначения в мире человека. И тогда отсутствие формально-грамматической специфики является менее значимым, второстепенным фактором на фоне фундаментальной общности единиц, традиционно считающимися местоимениями, в плане их особой роли в познании и в коммуникации.

Именно на этих соображениях строится оригинальная теория местоимений в обобщающем исследовании Н.Ю. Шведовой «Местоимение и смысл» (1998). Здесь основанием для объединения слов в группы и классы, даже превышающие по объему традиционные части речи, является своеобразие основной функции слов: «С точки зрения собственно функциональной в русском языке существует четыре класса слов: слова означающие (местоимения), слова именующие (имена, глаголы, наречия и предикативы), слова связующие (предлоги, союзы) и слова собственно квалифицирующие (частицы, модальные слова, междометия)...» [Шведова 1998: 7].

В целом следует отметить, что в рамках традиционного, системно-структурного подхода невозможно объяснить как специфику категориального значения личных местоимений, так и многообразие значений, возникающих у личных местоимений в разных условиях употребления. Все это приводит к необходимости использовать при описании личных местоимений методологию и методику теории референции, коммуникативного подхода и лингвистической прагматики.

Коммуникативно-прагматический подход к описанию личных местоимений в нашем понимании определяется двумя базовыми теоретическими положениями: 1) дейктическая функция личных местоимений; 2) референциальная природа значения личных местоимений. Этот подход восходит к основополагающим трудам К. Бюлера [Бюлер 1993] и Э. Бенвениста [Бенвенист 1974]. В отечественной лингвистике его развивают работы С.А. Крылова

[Крылов 1989], Е.В. Падучевой [Падучева 1985], О.Н. Селиверстовой [Селиверстова 1988] и др. Его суть состоит в объединении при описании местоимений их дейктических функций и референциальных свойств. Сегодня коммуникативно-прагматический подход к описанию личных местоимений является обобщением дейктического и референциального подходов и основывается на концепции «указательного поля» К. Бюлера [Бюлер 1993], на коммуникативной теории языка Б.А. Успенского [Успенский 2007], а также на концепции референциальных статусов Е.В. Падучевой [Падучева 1985].

Указанное выше разнообразие точек зрения на природу, сущность и функции личных местоимений обусловили теоретические и практические сложности в их лексикографировании. Думается, эти сложности могли бы быть преодолены посредством использования идей «интегрального описания языка» [Апресян 1995] на основе принципов «порождающей семантики» [Падучева 2004; Кустова 2004]. Однако на настоящий момент задача лексикографического описания личных местоимений I и II лица через призму коммуникативно-прагматического подхода с использованием концепции семантической деривации применительно к грамматическим единицам языка в науке о языке еще не получила удовлетворительного решения.

В плане лингвокультурологического описания личных местоимений в науке о языке также практически отсутствуют обобщенные исследования, хотя отдельные ценные указания, помогающие наметить программу подобного исследования, содержатся в работах Ю.Д. Апресяна (местоимение ТЫ) [Апресян 1988], Ю.С. Степанова (местоимение МЫ) [КСРК 1997] и В.А. Масловой (местоимение Я) [Маслова 2001 и 2006].

В области исследования художественных функций личных местоимений библиография более репрезентативна. Внимание к местоимениям в художественной речи проявляли многие замечательные ученые, в частности В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Ю.М. Лотман и др. [Виноградов 1959; Винокур Г. 1990; Лотман 1994]. В современных отечественных трудах в области лингвопоэтики имеются как обобщающие исследования местоимений в поэтической речи [Мурашева 2004] и в переводной прозе с английского языка [Туринова 2018], так и исследования по отдельным персоналиям, например, в языке современной прозы (на материале прозы В.О. Пелевина и С.Д. Довлатова) [Матвейкина 2011], в дневниковой прозе (на материале художественных дневников И.А. Бунина «Воды многие» и «Окаянные дни») [Антипина 2012], в поэзии Иосифа Бродского [Радбиль 2005], И. Анненского [Федоров 2008], Ф.И. Тютчева [Носорева 2012], С.А. Есенина [Арская, Мамедов 2020] и др. При этом опять же нет обобщающих трудов по всем местоимениям.

Кроме того, роль именно личных местоимений в манипулятивной коммуникации практически не изучена в науке о языке, так же, как и неузуальные субстантивированные употребления местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в дискурсах разного типа.

Все сказанное выше позволяет сформулировать **научную новизну исследования**, которая заключается в следующем:

- разработан научный инструментарий комплексного многоаспектного коммуникативно-прагматического описания семантики личных местоимений I и II лица на основе анализа их референциальных свойств и дейктических функций, коммуникативных факторов и прагматических условий их употребления;

- применительно к новому материалу — функционирование личных местоимений I и II лица — разработана и апробирована классификация типов употребления личных местоимений — способов соотнесения формы местоимения с участниками коммуникативного акта: первичные и вторичные референтные употребления, нереперентные употребления;

- представлена иерархия связей и отношений между типами употреблений местоимений Я, ТЫ, МЫ, ВЫ на основе действия языковых механизмов семантической деривации;

- обосновано и успешно применено научное понятие «номинативизация дейксиса» как феномен узуального и неузуального перехода дейктической функции личных местоимений в номинативную, который имеет три последовательные стадии: лексикализация, субстантивация и фразеологизация; на основе анализа этих процессов выявлены и проанализированы новые типы употреблений русских личных местоимений — лексикализованные, субстантивированные и фразеологизованные;

- осуществлено «лексикографическое портретирование» типов употребления русских личных местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ, схематически представленное посредством разработанного для этих целей метаязыка описания — специальных индексов для каждого типа употребления;

- выявлено 40 типов употреблений местоимения Я, 48 типов употреблений местоимения ТЫ, 43 типа употребления местоимения МЫ, 34 типа употребления местоимения ВЫ, что существенно превосходит количество значений этих местоимений, представленных в их описаниях в существующих словарях и грамматиках;

- была осуществлена лингвокультурологическая интерпретация роли личных местоимений в выражении значимых для национальной языковой картины мира культурных смыслов и в оценочной интерпретации действительности в культуре и языке;

- были выявлены и обобщены стилеобразующие и текстообразующие функции личных местоимений в риторической коммуникации и в художественном дискурсе;

- были проанализированы рефлексы дискурсивного варьирования местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в моделях манипулятивной коммуникации;

- были изучены явления неузуальной субстантивации личных местоимений в дискурсах разного типа, которая связана с ненормативным расширением их сочетаемости с признаковыми словами — прилагательными, местоимениями-прилагательными и причастиями.

Теоретическая значимость исследования состоит:

- в разработке методологии, технологии и конкретной исследовательской процедуры многоаспектного «лексикографического портретирования»

русских личных местоимений Я, ТЫ, МЫ, ВЫ в свете идей интегрального описания языка;

- в создании аналитического аппарата, терминологического инструментария и метаязыка их описания в рамках обоснованного в работе коммуникативно-прагматического подхода;

- в уточнении понятия «тип употребления» и в адаптации существующих методов и методик коммуникативно-прагматического подхода, теории референции и принципов «порождающей семантики» к новому материалу — частям речи не номинативного, дейктического характера;

- в обосновании, разработке и апробировании исследовательской модели лингвокультурологического описания личных местоимений как репрезентантов значимых для национальной языковой картины мира культурных и ценностных смыслов;

- в обосновании, разработке и апробировании исследовательской модели многоаспектного когнитивно-дискурсивного анализа стилеобразующих и текстообразующих функций личных местоимений в риторической коммуникации и в художественном дискурсе, речевых реализаций русских личных местоимений в моделях манипулятивной коммуникации и неузуальных субстантивированных употреблений местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в дискурсах разного типа.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно представляет собой подробно разработанные образцы для дальнейших работ по лексикографированию грамматических единиц с семантикой дейктического характера в теории и в практике составления словарей нового типа. Также основные результаты можно использовать в вузовских курсах преподавания теории языка, современного русского языка, в теоретических курсах по лексикологии и грамматике, в элективных курсах по прагмалингвистике, по теории референции и «порождающей семантике», по изучению явлений синкретизма и переходности в языке, а также в практике вузовского преподавания русского языка как иностранного.

Методологической основой данного исследования являются теоретические идеи референциального подхода к анализу местоимений, изложенные в работах Е.В. Падучевой [Падучева 1985] и С.А. Крылова [Крылов 1989], коммуникативного подхода к дейктическим единицам языка [Успенский 2007], идеи и принципы интегрального описания языка и «лексикографического портретирования» Ю.Д. Апресяна и Московской семантической школы [Апресян 1995], положения «порождающей семантики» в аспекте «семантической деривации» [Падучева 2000; Кустова 2004], теории «языковой концептуализации мира» [Апресян 1995] и «языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], исследований «креативного потенциала русской грамматики» [Ремчукова 2001], идеи лингвокультурологического анализа фактов языка и текста, представленные в трудах А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.В. Красных, Т.Б. Радбиля и др. [Карасик 1996 и 2001; Телия 1996; Вежбицкая 1997; КСКТ 1997; Ковшова 2013; Радбиль 2017 и 2018], принципы когнитивно-дискурсивного анализа, изложенные в работах

Т. ван Дейка, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой [Дейк 1989; Демьянков 1995 и 2001; Кубрякова 2004].

Методы исследования определяются общими методологическими принципами, согласно которым в анализе семантики и функций единиц дейктического типа, к которым относятся и личные местоимения Я, ТЫ, МЫ и ВЫ, необходимо использовать метод коммуникативно-прагматического анализа. В числе других методов, использованных в данной работе, следует назвать метод традиционного лингвистического описания, метод лексикографического анализа, метод логического анализа языка (референциальный анализ), метод контекстуального анализа. В целях реализации принятых в данном исследовании лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного подходов использованы методы концептуального анализа «языка ценностей» и дискурс-анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

(1) Описания местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ, существующие в современных словарях и грамматиках, в научной и учебно-методической литературе, не дают адекватной картины реального многообразия значений и функций этих местоимений в разных коммуникативных условиях, в силу чего необходимо осуществить их описание в рамках коммуникативно-прагматического подхода в свете идей интегрального описания языка

(2) Разрабатываемое в работе коммуникативно-прагматическое описание строится на основе анализа типов референции русских личных местоимений, с учетом прагматических и коммуникативных условий их употребления, типов и характера речевой ситуации и видов речи, в результате чего выделяются первичные референтные, вторичные референтные и нереферентные типы употребления, а также выявленные посредством анализа процессов семантической деривации лексикализованные, субстантивированные и фразеологизованные употребления местоимений, которые образуют иерархически организованную семантическую структуру.

(3) Выделение и схематическое отображение комплексной семантической структуры местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ позволяет смоделировать «лексикографические портреты» указанных местоимений.

(4) Комплексное описание местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ предполагает, что коммуникативно-прагматический подход должен быть дополнен лингвокультурологическим и когнитивно-дискурсивным подходами к исследованию дискурсивного варьирования личных местоимений, в среде действия которого реализуются разнообразные содержательные и коннотативно-оценочные трансформации местоимений под влиянием экстралингвистических факторов.

(5) Корпус русских личных местоимений Я, МЫ, ТЫ и ВЫ и личнопричастительных местоимений МОЙ, НАШ, ТВОЙ и ВАШ в лексикализованных и фразеологизованных употреблениях участвует в выражении целого комплекса национально-обусловленных культурно-ценностных смыслов, связанных с особой выделенностью мира своих, круга «наших» и его противопоставленности «чужим». Эта идея восходит к древнейшим моделям се-

мантического представления значимого для человека, освоенного и присвоенного им фрагмента действительности..

(6) Местоимения Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в качестве средства оценочной интерпретации действительности в культуре и языке служат для выражения общей оценочности, при которой говорящий, употребляя личные местоимения, как бы отождествляет себя со всем человечеством, и для выражения частной оценочности, при которой говорящий отождествляет себя с ценностно значимой референтной группой (этнической, религиозной и пр.).

(7) В свете когнитивно-дискурсивного подхода к анализу речевых реализаций личных местоимений акцент необходимо делать на анализ стилеобразующих и текстообразующих функций личных местоимений. Стилeобразующие функции личных местоимений заключаются в их участии в построении разнообразных стилистических приемов, тропов и фигур в рамках моделей «языковой игры». Текстообразующие функции местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ находят свое выражение в случаях, когда данные местоимения участвуют в приеме «игры на референциальной неоднозначности».

(8) Рефлексы дискурсивного варьирования местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в моделях манипулятивной коммуникации обнаруживают свое участие в построении самых разнообразных манипулятивных коммуникативных стратегий и тактик, а также приемов «языковой демагогии», прежде всего — таких, как «игра на референциальной неоднозначности», «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию», «воздействие с помощью речевых импликатур» и др.

(9) Явления неузуальной субстантивации личных местоимений в дискурсах разного типа связаны с ненормативным расширением их сочетаемости с признаковыми словами — прилагательными, местоимениями-прилагательными, порядковыми числительными и причастиями. Значительное преобладание типов неузуальных субстантивированных употреблений Я коррелирует с устоявшимися в мировой культуре моделями использования Я просто для обозначения индивидуальности, личности. Существенное количество употреблений МЫ объясняется богатыми референциальными возможностями этого местоимения обозначать ценностно маркированные множества лиц, объединяемых говорящим по самым разным признакам.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в ряде научных статей, докладов и тезисов. Работа прошла апробацию: на международных научных конференциях в Астрахани (Астраханский государственный университет, 2007), в Орле (Орловский государственный технический университет, 2007), в Туле (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2007), в Челябинске (Челябинский государственный университет, 2007), в Томске (Томский политехнический университет, 2007), в Нижнем Новгороде (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007; Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, 2007, 2021; Нижегородский филиал Высшей школы экономики, 2020), в Москве (Московский (Московский государственный областной университет, 2008;

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2019), в Оломоуце, Чехия (Университет Палацкого, 2008, 2011, 2015, 2017), в Казани (Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007, 2008; Казанский федеральный университет, 2012, 2015), в г. Саранске (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2010, 2013), в Минске, Беларусь (Минский государственный лингвистический университет, 2010; Белорусский государственный университет, 2014), в Гранаде, Испания (Гранадский университет, 2011, 2019), в Одессе, Украина (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, 2013, 2015), в Лёвене, Бельгия (Католический университет г. Левен, 2014), в Ялте (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2015, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021), в Риге, Латвия (Балтийская международная академия, 2016), в Трнаве, Словакия (Университет св. Кирилла и Мефодия, 2016), в Будапеште, Венгрия (Университет им. Лоранда Этвеша, 2017), в Кракове, Польша (Ягеллонский университет, 2017, 2019), в Барселоне, Испания (Барселонский университет, 2018), в Брно, Чехия (Масариков университет, 2018), в Киото, Япония (Университет Киото-Сангё, 2019), в Тбилиси, Грузия (Цхум-Абхазская академия наук, 2019), в Нур-Султане, Казахстан (XIV Конгресс МАПРЯЛ, 2019). Исследование обсуждалось на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Композиция исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения; библиографического списка и приложения. В библиографическом списке, включающем три раздела: источники, научная и научно-методическая литература, словари, содержится 424 позиции (из них 10 — на иностранных языках). В приложении приводятся индексы типов употребления — условные обозначения, принятые в метаязыке описаний личных местоимений в настоящей работе. Объем диссертационного исследования, не считая приложения, составил 488 с. Общий объем диссертационного исследования — 498 с.

Во введении освещается актуальность работы, определяются ее объект, предмет, цель и задачи, а также принятая в ней рабочая гипотеза, описывается материал исследования и объем материала, освещаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, охарактеризованы методология и методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В главе I «Личные местоимения современного русского языка в теоретическом освещении: лингвистическая традиция и современное состояние вопроса» дается теоретическое освещение проблемы статуса личных местоимений в языковой системе, рассматриваются вопросы описания личных местоимений в историко-лингвистическом и в типологическом аспектах, в лексикографических источниках и грамматических описаниях (раздел 1.1), характеризуется история и современное состояние коммуникативно-прагматического подхода к изучению личных местоимений (раздел 1.2), обосновывается принятая в работе концепция многоаспектного описания

русских личных местоимений I и II л. в свете идей интегрального описания языка (раздел 1.3).

В настоящей главе рассмотрены существующие точки зрения на личные местоимения в целом и обосновано определение сужение объекта исследования до прототипических личных местоимений, к которым относятся, согласно поддерживаемой нами концепции, только местоимения первого и второго лица. Освещена история вопроса о семантике и функциях личных местоимений в системе языка, выявлена известная непоследовательность и неполнота традиционного системно-структурного подхода к их анализу, в результате чего обосновывается необходимость антропоориентированного подхода, согласно которому особое положение личных местоимений в языке связано с антропоцентричностью его устройства, с тем, что именно личные местоимения участвуют в структурировании «я» говорящего в коммуникативном акте.

В работе принята точка зрения, согласно которой местоимения являются особой частью речи, внутри которой как особый семантический разряд выделяется группа личных местоимений: семантический разряд личных местоимений характеризуется трехчленной оппозицией по лицу, среди которых следует выделять, с точки зрения возможности выражать референцию к непосредственным участникам коммуникации, местоимения I и II л., противопоставленные по этому признаку периферийным типам местоимений, традиционно описываемых как «лично-указательные» местоимения III л.

Обосновываемый в работе коммуникативно-прагматический подход определяется двумя базовыми теоретическими положениями: 1) дейктическая функция личных местоимений; 2) референциальная природа значения личных местоимений. В рамках этого подхода вводятся семантические параметры (в количестве 6). В основу разработанной в работе концепции исследования семантики и функционирования местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в разных коммуникативных условиях положено понятие **типа употребления** по отношению к референции. Понятие «тип употребления» обобщает традиционные понятия «значение», «оттенок смысла», «лексико-семантический вариант» и др.: имеется в виду определенный тип значения единицы, возникающего в типовых же коммуникативных и прагматических условиях в конкретных речевых актах, который отражает только одну сторону ее общей семантики — а именно «семантический объем», т.е. объект / объекты внеязыковой действительности, на которые указывает данное словоупотребление.

Наиболее общая классификация на этом основании — это деление всех употреблений на **референтные** и **нереферентные употребления**. Применительно к данным местоимениям это может означать, что можно выделить, условно говоря, «референтные» *я, ты, мы, вы* и «нереферентные» *я, ты, мы, вы*. Главным критерием разграничения «референтных» и «нереферентных» *я, ты, мы, вы* является возможность их употребления или по отношению к лицам, которые являются непосредственными участниками коммуникации (соответственно могут стать объектами конкретной референции), или по отношению к неопределенному множеству лиц, не участвующих в акте

коммуникации непосредственно.

В свою очередь, референтные употребления *я, ты, мы, вы* далее можно разделять на употребления *я, ты, мы, вы* в **первичной** и во **вторичной референтной функции** (или **первичные референтные** и **вторичные референтные употребления *я, ты, мы, вы***). Первичная референтная функция так или иначе соотносит употребление *я, ты, мы, вы* с говорящим в момент непосредственного осуществления речевого акта, а вторичная референтная функция нейтрализует или вообще исключает позицию говорящего (тогда местоимения *я, ты, мы, вы* употребляется в роли указания на другое лицо, участвующее или не участвующее в акте коммуникации — МЫ используется вместо Я или вместо ТЫ/ВЫ, ТЫ вместо Я, ВЫ вместо ТЫ и под.).

Вторичная референтная функция употреблений *я, ты, мы, вы* реализуется в ситуациях, когда МЫ, по тем или иным причинам, указывает либо на Я, либо на ТЫ/ВЫ, ТЫ указывает на Я, ВЫ на ТЫ, но при этом все же сохраняется референция к непосредственным участникам коммуникации (только несвойственным для *я, ты, мы, вы* в обычном употреблении).

К нереперентным употреблениям *я, ты, мы, вы* относятся случаи его использования не для непосредственного ситуационного персонального дейксиса, когда говорящий употребляет эти местоимения не по отношению к непосредственным участникам коммуникации. Нереперентные употребления личных местоимений I и II л. связано с отсутствием отсылки к непосредственному участнику речевой ситуации, когда, например, МЫ или ВЫ обозначают неопределенное множество людей, не подлежащее параметризации по объему — в этом случае можно говорить о своего рода вытеснении дейктической функции номинативной функцией.

Как уже отмечалось выше, Е.В. Падучева выделяет следующие типы нереперентных употреблений («денотативных статусов»): экзистенциальные (в разновидностях: дистрибутивные, неконкретные, общеэкзистенциальные), универсальные, атрибутивные, родовые [Падучева 1985: 94].

Я, ТЫ, МЫ, ВЫ не могут по природе своей выступать в **атрибутивном** нереперентном употреблении, поскольку этот тип нереперентного употребления предполагает указание на характерный признак предмета, т.е. присущ только словам с номинативной семантикой. Однако эти местоимения могут реализовать другие типы нереперентного употребления.

В частности, **экзистенциальное** нереперентное употребление (соответствует квантору существования: *есть некоторые S..., существуют S...*) предполагает, что это употребление очерчивает некий класс лиц, например, для МЫ —объединяя говорящего вместе с лицами одного с ним круга, одних с ним взглядов, убеждений и т. п.: *Мы граждане великой России ...* Здесь МЫ примерно означает: ‘я + некоторая группа людей’; его можно условно именовать «ценностным», «идеологическим» МЫ. Аналогично ВЫ обозначает круг «чужих», по отношению к которым происходит «ценностная поляризация» позиции говорящего: *А вы, надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов...* (М.Ю. Лермонтов).

Универсальное нереферентное употребление (соответствует квантору всеобщности: *все S..., для всех S...*) предполагает указание на множество всех лиц, включая говорящего, и реализуется в так называемом «обобщенно-личном» употреблении: *Для чего мы живем на этой земле?* (= *Для чего все живут...*). Это обычно реализуется в суждениях обобщающего типа (так называемых «генерализованных высказываниях» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]). Как было показано выше, такое обобщенно-личное употребление характерно и для Я, ТЫ или ВЫ.

Если экзистенциальные употребления условно делят денотативное пространство на две равные, противопоставленные друг другу области (МЫ↔ОНИ), то **родовые употребления** (прежде всего МЫ или ВЫ) просто выделяют определенную область семантического пространства, оставляя остальные области немаркированными. Они соотносятся с обозначением четкого класса лиц, выделяемого из других по наличию отличительных характерных признаков, и потому, как правило, нуждается в контекстном пояснении или уточнении: *Мы, патриоты земли нашей...*; *Вы, молодое поколение строителей коммунизма...* Подобная выделенная референтная группа может быть сколь угодно широкой и маркироваться по самому разнообразному признаку — социальному, политическому, культурному, эстетическому, религиозному, половозрастному и пр.

В главе I обосновано, что для полного «лексикографического портретирования» типов употребления русских личных местоимений I и II лица в свете идей и принципов интегрального описания языка необходимо учитывать и явления «**номинативизации дейксиса**» — явления узуального и не-узуального перехода дейктической функции личных местоимений в функцию номинативную. Указанная номинативизация имеет три стадии.

Первая, начальная стадия, так сказать, «полноценной» номинативизации, которая основана на частичной референциальной номинативизации, в нашей работе именуется «**лексикализация местоимений**». Лексикализация местоимений — это чисто семантический процесс, который связан с переосмыслением первичной, исходной дейктической функции местоимения как лексемы или отдельных его форм (которое по тем или иным причинам перестает указывать на непосредственного участника коммуникации), но при этом не сопровождается грамматическими эффектами перехода личного местоимения в другую часть речи. Иначе говоря, номинативизация здесь пока только функциональная, но не лексическая и / или грамматическая.

Согласно принятой концепции исследования, от явлений лексикализации следует отличать явления **субстантивации**, которые выступают в качестве второй стадии отмеченного нами процесса «номинативизации дейксиса», когда местоимение переходит в полноценное несклоняемое существительное, с соответствующими грамматическими признаками — с морфологической категоризацией по среднему (реже — по мужскому) роду и с возможностью определяться прилагательными, местоимениями-прилагательными или порядковыми числительными. Речь идет о том, что личные местоимения Я, ТЫ, МЫ, ВЫ (каждое по-своему и в разной степени)

в определенных синтагматических условиях «ведут себя» в какой-то степени аналогично номинативным частям речи, прежде всего — существительным.

Одной из значимых сфер функционирования личных местоимений является их присутствие в фразеологическом фонде русского языка. Не случайно и основные русские словари обязательно включают в зону словарного толкования местоимений фразеологический материал. Употребление русских личных местоимений в составе фразеологизмов и фразеологизованных конструкций может также рассматриваться в контексте явлений синкретизма и переходности [Бабайцева 2000] как следующий этап «**номинативизации дейксиса**», вслед за лексикализацией и субстантивацией. На этом этапе местоимение вообще утрачивает свою способность хоть как-то осуществлять референцию к реальным участникам коммуникации и даже теряет свое автономное лексическое и грамматическое значение, становясь несамостоятельным смысловым и структурным компонентом фразеологической единицы. Чтобы сохранить единство терминологии, для наименования явлений вхождения форм местоимений в состав фразеологизма мы используем термин «**фразеологизация личных местоимений**» (по аналогии с более общепринятыми терминами «лексикализация» и «субстантивация»). При этом мы отдаем себе отчет в известной неточности данного терминологического обозначения: ведь процессу фразеологизации, т.е. образования устойчивого и воспроизводимого в узусе сочетания слов на базе исходно свободного сочетания подвергается, конечно, не сама форма местоимения, а все выражение в целом, которое данную форму содержит.

Итак, входя в состав устойчивых выражений языка, личные местоимения окончательно утрачивают свою исходную дейктическую функцию указывать на участников коммуникации и приобретают возможность выражать номинативную или — чаще всего — экспрессивную семантику в составе целого, как правило, образного устойчивого выражения, участвуя в выражении особого типа значения — фразеологического, которое по природе своей отличается экспрессивно-оценочным потенциалом и повышенной способностью выражать культурно значимые смыслы.

В целом личные местоимения I и II л. играют важнейшую роль в человеческой коммуникации и когнитии. Однако реальное многообразие значений и условий употребления местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ далеко не исчерпывается традиционными описаниями этих местоимений в существующих словарях и грамматиках. Все это обуславливает необходимость комплексного, «интегрального» описания личных местоимений в рамках коммуникативно-прагматического подхода, который может быть дополнен лингвокультурологическим и когнитивно-дискурсивным подходами.

В главе II «Значение и употребление русских личных местоимений в коммуникативно-прагматическом описании» с позиции принятого в исследовании коммуникативно-прагматического подхода на референциальной основе последовательно описываются референтные и нереферентные употребления местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ (соответственно, разделы 2.1, 2.2, 2.3 и 2.4), рассматриваются рефлексии разнообразных семантических преоб-

разований личных местоимений в процессах их лексикализации и субстантивации (раздел 2.5), а также фразеологизации (раздел 2.6), в результате чего решается задача по «лексикографическому портретированию» русских личных местоимений I и II л. в свете идей «интегрального описания языка» (раздел 2.7).

В главе обоснован коммуникативно-прагматический подход к анализу значений и типов употребления русских личных местоимений I и II лица на основе разных типов референции этих местоимений и их различных возможностей в плане выполнения дейктической функции. Проанализированы все возможные типы употреблений местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ с точки зрения коммуникативно-прагматических особенностей реального функционирования в разных типах речи. Проведенный анализ позволил получить целостную картину бытования личных местоимений I и II лица в русском языке во всех их системно-структурных и функциональных связях и отношениях.

В результате была смоделирована совокупная семантическая структура каждого из личных местоимений, получившая схематическое оформление в так называемых «лексикографических портретах» — системном представлении всех типов употреблений местоимений на основе их референциальных свойств и с учетом их смысловых преобразований по моделям «семантической деривации».

«Лексикографические портреты» личных местоимений I и II лица имеют иерархическое устояство. Уровни и подуровни семантической структуры местоимений, воплощенной в их «лексикографических портретах», отражают динамику «номинативизации дейксиса» — языковых механизмов перехода дейктической функции в номинативную, который может иметь разные стадии в рамках действующей в языках мира универсальной тенденции к синкретизму и переходности явлений системы языка и речи.

Первый уровень структуры представлен тремя взаимосвязанными группами употреблений, которые в той или иной степени сохраняют базовую дейктическую функцию личных местоимений — иметь референцию к непосредственным участникам коммуникации, не включая или включая других лиц. Этот уровень представлен: (1) первичными референтными употреблениями, т.е. семантическими разновидностями местоимений, которые так или иначе отражают прямое указание на базовых участников коммуникативной ситуации — говорящего или слушающего; (2) вторичными референтными употреблениями, в которых местоимения, в системно-языковом отношении предназначенные для указания на какое-либо одно лицо, в определенных моделях речевой реализации указывают на другое лицо; (3) нереферентными употреблениями, которые вообще не указывают на непосредственных участников коммуникации, выполняя номинативную функцию, но при этом сохраняют категориальное грамматическое значение местоимений.

Второй уровень семантической структуры местоимений в их «лексикографических портретах» структуры представлен результатами действия закономерностей «языкового расширения (Г.И. Кустова) по моделям семантической деривации, а именно — (1) лексикализации и (2) субстантивации лич-

ных местоимений, результаты которых составляют, соответственно, два подуровня второго уровня семантической структуры личных местоимений. Лексикализация местоимений как первая стадия номинативизации дейксиса — это чисто семантический процесс, который связан с переосмыслением первичной, исходной дейктической функции местоимения как лексемы или отдельных его форм, но при этом не сопровождается грамматическими эффектами перехода личного местоимения в другую часть речи. Субстантивация как вторая стадия процесса номинативизации дейксиса — это переход местоимения в полноценное несклоняемое существительное, с морфологической категоризацией по среднему (реже — по мужскому) роду и с возможностью определяться прилагательными, местоимениями-прилагательными или порядковыми числительными.

Третий уровень семантической структуры в «лексикографических портретах» личных местоимений представлен рефлексам их «фразеологизации» — вхождения отдельных форм личных местоимений в те или иные фразеологические обороты и фразеологизованные конструкции. Употребление русских личных местоимений в составе фразеологизмов и фразеологизованных конструкций трактуется как следующий этап номинативизации дейксиса, вслед за лексикализацией и субстантивацией. На этом этапе местоимение вообще утрачивает свою способность хоть как-то осуществлять референцию к реальным участникам коммуникации и даже теряет свое автономное лексическое и грамматическое значение, становясь несамостоятельным смысловым и структурным компонентом фразеологической единицы. Но при этом оно обогащает свой семантический потенциал за счет приобретения возможности выражать разнообразные эмоционально-экспрессивные и оценочные оттенки смысла.

В главе II по итогам проведенного исследования была получена целостная картина типов употребления местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ, связей и отношений между их различными значениями (включая как «системно-языковые», так и «собственно речевые»), в том числе в аспекте семантической деривации. Это в свою очередь позволило построить и схематически отобразить посредством предложенного метаязыка описания **семантическую структуру** данных местоимений в современном русском языке, которая, согласно принятой в нашей работе терминологии, отражается в так называемых «лексикографических портретах» местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ.

В схематическом представлении «лексических портретов» местоимений использован принятый в работе метаязык описания: каждому типу употребления местоимений присвоен условный индекс. Значения этих индексов расшифровываются в **Приложении**. Ниже приводятся сами «лексикографические портреты» местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ.

«Лексикографический портрет» местоимения Я

I. Первичные референтные употребления

ИРУ_{реч} : — *Я ещё хочу мороженое... Пойду Клаву покормлю...* [Разговор на кухне, деревня в Челябинской области (2005)]

ИРУ'_{письм}: *Я хотел описать жизнь в СССР через призму ярких музыкантов* [Ули Хуфен и каторга // Известия, 2010.11]

ИРУ''_{письм}^Н: *Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа **моей** тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии* [М.Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»]

ИРУ''_{письм}^Л: *Обрываются связи, // Я живу в тишине. // «Ода к греческой вазе» // Вспоминается **мне*** [А. С. Кушнер. «Обрываются связи...» (2000-2005)];

ИРУ_{тел}: *Татьяна Ивановна уложила меня на диванчик, чтобы померить давление* [Андрей Митьков. «Она была на грани жизни и смерти...». Лучшую российскую биатлонистку обвиняют в применении допинга // «Известия», 2003.02.20]

ИРУ_{дух}: — *Я бы так это прокомментировал: это некая раздвоенность, двухслойность массового сознания* [Елена Костюк. Сверхбедные против сверхбогатых // «Время МН», 2003.07.30]

ИРУ_{тел/дух}: *А потом центральная часть кладбища закончилась, и я набрел на новый участок* [Дмитрий Данилов. Могила невостребованных прахов // «Русская жизнь», 2012]

ИРУ'_{дух}^{СД}: *Привычное место — отметка нулевого километра. Я пришел сюда один. И не знаю, куда **мне** идти дальше* [Анатолий Кирилин. Нулевой километр // «Сибирские огни», 2013]

ИРУ'_{дух}^{СР}: *Но чтоб тебе было спокойнее, я обещаю: сегодня или завтра я найду её, поговорю и разберусь с этим делом* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

ИРУ'_{дух}^{СВ}: *Я вспомнил полуистерические расспросы отца, спокойную реакцию матери и кое-какие её реплики* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

ИРУ'_{дух}^{СС}: *А они просто сумасшедшие, пассажиры сумасшедшего поезда, и во всем, что они говорят, я слышу только стук колёс* [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)]

II. Вторичные референтные употребления

————— [для местоимения Я отсутствуют]

III. Нереферентные употребления

НРУ_у: *Я человек и ничто человеческое **мне** не чуждо* [Теренций]

НРУ_з: *Я, ты, он, она, // Вместе — целая страна, // Вместе — дружная семья, // В слове мы — сто тысяч **я!*** [Р. Рождественский, «Гимн дружбы» (песня)]

IV. Лексикализованные употребления

ЛУ_{мне}^{ЭКС}: — *Поговори мне еще!* — прикрикнул на нее Будкин [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]

ЛУ'_{мне}^{ЭМФ}: — *Ох, уж это мне французское легкомыслие, — проворчал Дебоширин* [Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984)]

- ЛУ'_{мне}^{АГР}: *Тоже мне, дуру нашли. Выметайся из моего дома* [Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)]
- ЛУ_{у меня/ко мне}^{ДЕТ}: *Я предложила, чтобы мы встретились у **меня** для небольшого исследования* [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (1997)]
*/ Тебе надо будет **ко мне** на Бауманскую приехать* [Смс-сообщения старших школьников (2004)]
- ЛУ_{у меня}^{ЭКС}: — *Ни за какой руль ты у **меня** не сядешь* [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)]
- ЛУ_{по мне}^{М/Я}: — *Я разбавленный спиридон не люблю, **по мне** бы его вовсе не было* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]
- ЛУ_{по мне}^{НОМ}: — *Здесь не **по мне**, не могу жить... ничего не поделаешь* [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904)]
- ЛУ'_{по мне}^{ПАР}: *Полушубок был как раз **по мне**, шинеленку я скатал и ее, хлипкую, завернул еще и в брезент* [Анатолий Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002]
- ЛУ_{не про меня}^{НОМ}: *Хороша ты, красавица, да не про **меня*** [Н. Б. Черных. Пассажир // «Волга», 2013]
- V. Субстантивированные употребления**
- СУ_{ср.р.}: *Куда же девается душа, сознание, моё «я»?* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]
- СУ'_{ср.р.}: *Но это «я» доминировало во мне слишком долго, чтобы вот так, сразу, от него избавиться* [И. Грекова. Перелом (1987)]
- СУ'_{ср.р.}^{ФИЛ}: *Повествовательское «я» занимает в системе романа невыгодную позицию: противостоит самой симпатичной героине* [Анна Кузнецова. Функции ума // «Октябрь», 2002]
- СУ'_{м.р.}: *Каждый я — это «один из», одна из бесчисленных волн единого потока* [В. Б. Катаев. Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники (2004)]
- СУ'_{ср.р.}^{АР}: *Неслучайно здесь практически нет никакой апелляции к переживанию и не редко возникает слово «я» с его часто неоправданным лирическим нажимом* [О. В. Аронсон. Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия. Ч. II (2007)]
-

VI. Фразеологизованные употребления

- ФУ_я [Я думаю]: — *Потенциальный меценат, как он себя все время аттестует, да врет, я думаю* [Андрей Дмитриев. Призрак театра (2002-2003) // «Знамя», 2003]
- ФУ_я [Не я буду]: *Вот не я буду, если фильм не сделаю на эту тему* [Валерий Фомин. «Калина красная» // «Родина», 2010]
- ФУ_{меня} [Будет / хватит с меня]: *Полистаю иногда реферативный журнал, и будет с меня, пенсионера...* [Еремей Парнов. Александрийская гемма (1990)]

- ФУ_я [Будь / не будь я]: *Будь я промоутером, счёл бы это безрассудством* [Вячеслав Борисов. Это мама. Нина Хаген взорвет бункер // «Известия», 2002.10.13]
- ФУ_я [Я не я]: ... *А то просидит два часа в театре: я не я, и лошадь не моя, — спрашивай потом с козла молока* [А. А. Кузьменков. Десятая годовщина // «Волга», 2010]
- ФУ_я [Я ли, не я ли]: *Наел загрибок-то и величается: я ли, не я ли...* [И. Ф. Наживин. Степан Разин (Казаки) (1928)]
- ФУ_{меня} [Без меня меня женили]: *Инкомбанк: без меня меня женили, на ВСКБ* [Светлана Батутене. Инкомбанк: без меня меня женили, на ВСКБ // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 1998.07.11]
- ФУ_я [Вот я тебя]: — *Иди, поливай колесо хозяйского ниссана! Вот я тебя веткой-то...* [Михаил Бару. Записки понаехавшего (2010)]
- ФУ_я [Я тебе]: — *Да я тебе...* — Виктор Ильич замахнулся, но по пьяни не рассчитал удар — *ткнул кулаком в плечо Екатерины Андреевны* [Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)]
- ФУ_я [Я тебе дам]: *Нынче к вечеру такую красотку привезли! Новенькая — я те дам...* Венера Милосская по сравнению с ней — *так: инвалидка безрукая* [В. Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // «Москва», № 11, 12. 2004]
- ФУ_я [Я — последняя буква в алфавите]: *Раньше-то говорили: я — последняя буква в алфавите...* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]
- ФУ_я^{СУБ} [Собственное / свое «я»]: *Ни во что другое, напомним, верить невозможно, поскольку даже собственное «я» всегда под вопросом для уважающего себя кота и человека* [неизвестный. Письмо кота // «Кот Шрёдингера», 2017]
- ФУ_я^{СУБ} [Расстройства «я»]: *Расстройства «я» — общее название нарушений самосознания, переживаний больным изменения собственной личности (напр., расстройство активности «Я», идентичности «Я», деперсонализация)* [Большой медицинский словарь, 2000. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/39385>]

«Лексикографический портрет» местоимения ТЫ

I. Первичные референтные употребления

- ИРУ_{реч}^Б: *На одной из встреч с Альенде команданте Че сказал ему: «Мы с тобой идём разными путями, но цель у нас одна и конец будет один...»* [Олег Поляковский. Неподсуден // «Вокруг света», 2003.09.15]
- ИРУ_{реч}^Р: — *Мама, а откуда берутся дети?* // — **Ты** *знаешь, это очень длинная история, я тебе её как-нибудь потом расскажу* [С улыбкой // «Даша», 2004]
- ИРУ_{реч}^Д: *Мальчишки спрашивали: «Дяденька, ты поп или генерал?»* [Надежда Мандельштам. Воспоминания (1960-1970)]
- ИРУ_{реч}^С: *После таких слов полковник как-то подозрительно посмотрел на меня. — Ты, сынок, на самом деле хочешь стать солдатом?* [Мар. Салим. Помереть некогда // «Бельские просторы», 2018]

ИРУ_{реч}^Х: — Так никто же не гниет так, как **ты**. **Ты** же смердишь уже. Чувствуешь? [коллективный. Форум: Похороните меня за плинтусом. Фильм (2009-2011)]

ИРУ_{реч}^П: Мы долго пытались завести ребёночка, обследовались, потратили кучу денег, но всё бесполезно! Наконец один врач сказал мне «по секрету»: «У **тебя**, дорогая, всё в порядке» [Вероника Стрельникова. Опять акробатика, милый? // «Даша», 2004]

ИРУ'_{письм}^{ДИАЛ}: Получила письмо, и как примерная девочка пишу **тебе** на него ответ [Письмо девушки из Перми сестре в Москву (2001)]

ИРУ''_{письм}^{ЛИР}: Не бред, не призрак **ты** лесной, // Но старина не знала фей // С такой неверностью очей, // С душой изменчивой такой! // 5 мая 1901 [А. А. Блок. «В передзакатные часы...» (1901.05.05)]

ИРУ'_{реч}^{ЖИВ}: — Ужо я овсеца тебе принесу... Скотинка **ты**, скотинка экая! — жалобно говорил Пила, смотря на лошадь, как она принялась охобачивать сено и солому [Ф. М. Решетников. Подлиповцы (1864)]

II. Вторичные референтные употребления

ПРУ_я: **Ты** хотел вторично изведать счастья в жизни, — говорил он сам себе [И.С. Тургенев, «Дворянское гнездо»]

III. Нереферентные употребления

НРУ_э^{РИТ}: Тяжела **ты**, право, ручная кладь, // неподъемна вдруг [М. Н. Айзенберг. «А еще говорит мне попутчик наш...» (2011)]

НРУ_э^{БОЖ}: Я не сирота с **Тобою**, Отче, // но родного встречу ли отца, // мать свою увижу ли воочию // там, где **Ты**, и есть ли без лица [О. Г. Чухонцев. «Если все и там поодиночке...» (2016)]

НРУ_у: Так у нас давно сдельная зарплата у хирургов. Заплатил, **тебя** разрежут и зашьют. Не заплатил... [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)]

IV. Лексикализованные употребления

ЛУ_{у тебя/к тебе}^{ДЕТ}: А у **тебя** сколько человек прописано в квартире? [Наши дети: Подростки (2004)] / Давай сначала, будто мы только что познакомились, а? Я приеду к **тебе**... Пожалуйста... [Ольга Зуева. Скажи, что я тебе нужна... // «Даша», 2004]

ЛУ_{по тебе}^{М/Я}: А **по тебе**, так пускай и солнца не будет, только чтоб твою пакость народ не рассмотрел... [Л. А. Кассиль. Солнце светит (1948)]

ЛУ_{по тебе}^{НОМ}: Найди место по себе — хотя где **по тебе** место? [Анатолий Найман. Любовный интерес (1998-1999)]

ЛУ'_{по тебе}^{ПАР}: Хотя один раз в жизни одень на себя штаны по мерке, чтобы были как раз **по тебе**! [Н. Никандров. Проклятые зажигалки (1920-1929)]

ЛУ_{не про тебя}^{НОМ}: Я не настолько к тебе уже щедр, чтобы одаривать тебя сильными, прекрасно ненавидящими чувствами. Эта роскошь теперь **не про тебя** [Валерий Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011]

- ЛУ_{тебе}^{ЭКС}: — Он расстроено цокнул языком и закончил, вытаскивая вторую сигарету из пачки «Примы»: — Вот тебе, выходит, и съездил [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]
- ЛУ'_{тебе}^{УС}: — Голубчик, да откуда же я тебе его возьму, работника-то? [Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)]
- ЛУ'_{тебе}^{АГР}: — Только попробуй. Я тебе съем! Это отравка для человеческого желудка [М. А. Булгаков. Собачье сердце (1925)]
- ЛУ_{тебя}^{МЕЖД}: — Да ну тебя! Я ведь просто прогуляться тебе предложила [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)] / «Иди сюда, чтоб тебя!..» — заорал на жену Сизов и, схватив за руку, буквально швырнул на стул рядом с собой [Ю. М. Нагибин. Дневник (1975)]
- ЛУ_{тебе}^{МЕЖД}: — Приехали, — сказал Суханов. // — Вот тебе и на! Значит, прав был эфэсбеешник... [Андрей Белозеров. Чайка (2001)]
- ЛУ_{ты}^{МЕЖД}: — Дура! — закричал Дима и отвернулся. «Фу ты, дурища, не врёт, конечно» [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]
- СУ_{ср.р.}: Так выявляется семантика стремления к преодолению оппозиции «я — ты» и инвариантная схема: «Взяла бы твое ты в мое я» [Ю. М. Лотман. Структура художественного текста (1998)]
- СУ'_{ср.р.}^{АР}: Сердечное «ты» слегка подогрело ушат ледяной воды, ухнувшей на голову [Ирина Павская. «Джоконда» Мценского уезда (2006)]
-

VI. Фразеологизованные употребления

- ФУ_{ты} [Быть на ты с кем-либо]: Каким-то образом мы оказались уже на «ты», называли друг друга «Кира» и «Витя» [И. Грекова. Перелом (1987)]
- ФУ'_{ты} [Быть на ты с кем-либо]: Сами они — «на ты» с любым штатным оружием [Братство краповых беретов // «Солдат удачи», 2004.04.07]
- ФУ_{ты} [Переходить на ты с кем-либо]: — А ты с какого эшелона и как тебя зовут? — решительно перешла она на «ты» [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)]
- ФУ_{ты} [Выпить / пить на ты с кем-либо]: — Эй, князь, выпьем «на ты», — кричали слева и справа, со всех сторон [В. С. Трубецкой. Записки кирасира (1936-1937)]
- ФУ_{ты} [Сударь / дорогой ты мой]: Ах, не до того, не до того мне сейчас, дорогой ты мой! [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)]
- ФУ_{тебя} [С тебя причитается]: — Маришка, привет! С тебя причитается. Я решила твою проблему [Н. В. Нестерова. Лялька, или Квартирный вопрос (2012)]
- ФУ_{тебя} [Тебя бы на мое место]: — Эх, Николай Иванович... Тебя бы на мое место. — Председатель надел пропотелую фуражку [Василий Белов. Привычное дело (1967)]
- ФУ_{тобой} [С тобой каши не сваришь]: В разных частях шикарного и мощного послания разбросаны идеи такого рода (но их нужно вычислять), что

с таким правительством и таким аппаратом **каши не сваришь** [Валерий Лебедев. Апрельско-майские тезисы президента // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.05]

ФУ_{те} [Вот те крест]: — *Правду говорю, вот те крест...* — уборщица перекрестилась на пальму в кадке [А. М. Титов. Общежитие писателей // «Волга», 2015]

ФУ_{тебе} [Вот тебе и на]: — *Как?.. Значит, ты узнала?.. Каким образом?..* — **Вот тебе и на!** Не ты ли устроил нам этот заказ? [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001]

ФУ_{тебе} [На тебе]: — *Вот так,* — пробормотала одна из старух. — *Живёшь-живёшь, а потом на тебе* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

ФУ_{тебе} [ни тебе..., ни тебе ...]: — *Он, видите ли, на покойника: ни тебе почистить, ни тебе постирать* [Ирина Безладнова. Дина // «Звезда», 2003]

ФУ_{ты} [фу ты, ну ты]: *А в Москве он — французский повар, фу ты ну ты!* [Катя Метелица. Фруска // «Столица», 1997.06.17]

ФУ_{тебя} [Хватит / будет с тебя]: *Иным сунут лопату, скажут: бери-де отсюда, кидай-де туда — да и будет с тебя...* [Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)]

неопределенной адресации): *"Может быть, дня через три, четыре придет почтовое судно, сказал комендант, — и тогда — мы увидим"*

ФУ_{тебя} [С тебя станет(ся)]: *Не вздумай там за меня заступаться, себя подставлять. С тебя станет...* Стенограмма будет, стенограмма [Владимир Дудинцев. Белые одежды / Третья часть (1987)]

ФУ_{тебе} [Вот тебе]: *Я всё тщательно подготовила и показала ему наутро — на! вот тебе!* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]

ФУ_{тебя} [Ну тебя]: — *Чтобы пешком по городу пыль глотать? //* — **Да ну тебя!** *Я ведь просто прогуляться тебе предложила* [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)]

ФУ_{ты} [Иди ты на...]: *Это я-то не знаю, где Дерибасовская? Да иди ты на...! Я не знаю, где Дерибасовская...* [Коллекция анекдотов: одесситы (1970-2000)]

ФУ_{тебе} [Я тебе поговорю]: — *Иди, иди, а то я тебе поговорю* [Сергей ШУМИХИН, Аркадий Аверченко. Городовой на Невском // Независимая газета, 1997.03]

ФУ_{тебя} [Чтоб тебя]: — *Чтоб ты сдох! Чтоб тебя разорвало!!* — *Ладно,* — *сказал он удовлетворенно* [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006)]

ФУ_{тебе} [Чтоб тебе пусто было]: *«Чтоб тебе пусто было!»* — *говаривала в сердцах нянька Машеньки баба Клава* [Вацлав Михальский. Прощеное воскресенье // Октябрь, 2009]

«Лексикографический портрет» местоимения МЫ

I. Первичные референтные употребления

IPY_н: *Вам будет немножко скучно... ну да **мы с вами** будем жить по-приятельски...* [М.Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»]

IPY_н': ***Мы с тобой** на кухне посидим...* [О. Мандельштам]

IPY_н'': ***Мы, осень, с тобою** родные...* [НКРЯ — Полина, Общелит.РУ — Стихи]

IPY_з: ***Мы** с ним росли в одном дворе* [А. Розенбаум]

IPY_з': *Сыннишка его, мальчик лет пятнадцати, повадился к нам ездит: всякий день, бывало, то за тем, то за другим; и уж точно, избаловали **мы** его с **Григорием Александровичем*** [М.Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»]

IPY_з'': — *...А я не сержусь, **эта кантата и я** — **мы оба** старые дураки...* [И.С. Тургенев, «Дворянское гнездо»]

IPY_{н/з}: *Можешь у него взять мой номер и **мы** пообщаемся с тобой и с ним!* [Форум power-metal группы «Магистр»]

IPY_{н/з}': *«Может быть, дня через три, четыре придет почтовое судно, сказал комендант, — и тогда — **мы** увидим»* [М.Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»]

IPY_о: — *Кто там? — спросила она. — Это **мы**, — хором ответили из-за двери детские голоса*

II. Вторичные референтные употребления

IPY_{я (y)}: *Папа у меня замечательный. Решил вот посмотреть чем он на работе занимается, поехали с ним в колхоз... **мы** же из простых* [НКРЯ].

IPY_{я (y)}': — *Завязка есть! — закричал я в восхищении, — об развязке этой комедии **мы** похлопочем. Явно судьба заботится о том, чтоб мне не было скучно* [М.Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»]

IPY_{я (y)}'': *Знаем **мы** вас, женицин ...* [Форум подводного портала «Гетис»]

IPY_{я (п)}^Н: ***Нам** представляется, что наиболее интересным является рассмотрение стандартов менеджмента в контексте теорий организационного развития* [НКРЯ].

IPY_{я (п)}^П: *Поскольку знаменитостям, имеющим склонность к выпивке, **мы** уже посвящали материал, начнем с одной из самых «невинных» и распространенных привычек в актерской среде — с курения.* [«Аргументы и факты», № 10 (1375), 2007. 07.03].

IPY_{я (п)}^Х: ***Мы** уже сказывали, что, несмотря на ее холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями* [А.С. Пушкин, Повести Белкина].

IPY_{я (п/y)}^{PM}: ***Мы**, Николай II,...* [БАС 1950-1965]

IPY_{я (п/y)}^{PM'} (первое производное: «начальническое»): *Ну и все же: пришел момент, Вас вызывает начальник и говорит: извините, но **мы** Вас увольняем...* [«Гудбай» по-русски, Сайт управления персоналом RuHR]

IPY_{ты}^{COЦ}: [Врач — пациенту] — *Ну, как **мы** себя чувствуем?* [Русская грамматика 1980]

IPY_{вы}^{COЦ}: [Учитель — классу] — *Завтра **мы** пишем контрольную* [Интернет]

ПРУ_{ты}^{ПСИХ}: [Мать — ребенку] — *Так, посадив ребенка третьего года за стол, взрослый говорит: «Сейчас **мы** будем кушать...»* [Папам и мамам об особых детках // Интернет-подписка]

ПРУ_{ты}^{ПСИХ'}: *Ах, какие **мы** тут кругом серьезные!* [Поэзия.ру — литературно-поэтический журнал]

ПРУ_{он}^{ПСИХ}: [Мать — кому-то о своем ребенке] ***Мы** начали в 4 месяца кушать рисовую кашку «Малышка»...* [Женский форум Мамка.ру]

ПРУ_{я/ты/он}^{ПСИХ}: [Взрослый — ребенку или его матери в его присутствии, или мать взрослому про ребенка] *Как **мы** выросли!* [ИМ]

III. Нереперентные употребления

НРУ_з: — *И когда же, где же вздумали люди обайбачиться? — кричал он в четыре часа утра, но уже несколько осипшим голосом. — У нас! теперь! в России!* [И.С. Тургенев, «Дворянское гнездо»]

НРУ_з': ***Мы** пьем вино из доменных печей, / У горнов страсти наши закаляем, / **Мы**, умирая, снова воскресаем, / Чтоб пить вино у доменных печей...* [Вас. Александровский, «Мы»].

НРУ_р: ***Мы**, учителя, боялись Беликова...* [А.П. Чехов, «Человек в футляре»]

НРУ_р': — ***Мы** уже открылись!* [Рекламное обращение: OWG.ru — «Совершенный магазин»Х]

НРУ_у: ... ***мы** почти всегда извиняем то, что понимаем* [М.Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»]

НРУ_у': ***Мы** в такие шагалы дали, / Что не очень-то и дойдешь. / **Мы** годами в засаде ждали, / Невзирая на снег и дождь...* [А. Макаревич, Синяя птица].

IV. Лексикализованные употребления

ЛУ_{у нас/к нам}^{ДЕТ}: *Почему в других странах это понимают, а у нас нет?* [Народный костюм: архаика или современность? // «Народное творчество», 2004] / *Зато его друзья к нам каждое лето ездят* [Наши дети: Подростки (2004)]

ЛУ_{по нам}^{М/Я}: *По нам, так чем сильнее соперник, тем интереснее* [Дарья Медведева. Миллер в стихах выразил поддержку Спаллетти после вылета из Лиги Европы // Советский спорт, 2013.03]

ЛУ_{по нам}^{НОМ}: *Не по нам эта роскошь — хоть и восхищает она* [Валерий Попов. Свободное плавание // «Звезда», 2003]

ЛУ_{по нам}^{ПАР}: ... *так вот и толкнуло меня что-то, на ум-то мне: возьмем тележку, легонькая, по нам!* [И. С. Шмелев. Богомолье (1930-1931)]

ЛУ_{не про нас}^{НОМ}: *Тогда, может, и окажется, что насмешка сына «над промотавшимся отцом» — это не про нас* [Гелия Делеринс. Истина в зерне // «Огонек», 2014]

ЛУ_{мы}^{НОМ}: — *Вы что, физики? — Нет, что вы! **Мы** ваши!* [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000-2002) // «Октябрь», 2002]

СУ_{ср.р.}: *Ага, понятно почти все, кроме одного: совпадает ли в данном случае мое **мы** и твое **мы**...* [Форум Ru.Board (тема: «Кто и почему уничтожил Россию?»)]

СУ'_{ср.р.}^{AP}: А «**Мы**» здесь говорить не нужно. Твое «**мы**» ассоциируется с движением в целом [форум «Народное движение автомобилистов "СВОБОДА ВЫБОРА"»]

VI. Фразеологизованные употребления

ФУ_{нами} [Между нами]: — Антр ну! **Между нами!** Соберите по тридцать копеек [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)]

ФУ'_{нами} [Между нами (говоря)]: **Между нами говоря**, был большой лодырь, работать не хотел, считал себя человеком образованным [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]

ФУ'_{нами} [Между нами (останется)]: О чём говорить будем, **останется между нами** [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)]

ФУ_{мы} [Знаем мы вас]: И чего лезете дверь свою закрывать — у вас за этой дверью ничего и нет, **знаем мы вас** [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]

ФУ_{нас} [С нас хватит / будет]: Преступник занес нож над девушкой удивительной красоты; но уже спешит на помощь благородный полицейский, умеющий... Нет, **с нас хватит!** [Б. Г. Стрельников. Тысяча миль в поисках души (1979)]

ФУ_{мы} [Мы квиты]: Я пообещаю Гермесу отказаться от претензий на компанию, чтобы он в ответ вернул тебя на прежнее место. **Мы квиты**, Глеб [Алексей Иванов. Комьюнити (2012)]

«Лексикографический портрет» местоимения **ВЫ**

I. Первичные референтные употребления

ИРУ_{реч(н)}: [И1, муж, телеведущий] У каждого из **вас** будет тридцать секунд. а ЛДПР начинает первыми [Выборы в Государственную думу. Дебаты на канале «Россия-1». 23.08.2016. (2016)] — речь обращена только к тем, кто пришел в студию

ИРУ_{реч(э)}: — А мама? **Вы с мамой** уже дальше жили? [Н.Г.Гольц, Д.Б. Споров. Беседа Д.Б. Спорова с Н.Г. Гольц (2011)]

ИРУ_{реч(0)}: [Минилбаева Елена Ивановна, жен, заместитель председателя регионально-общественной организации «Землячество Марий-Эл» в Москве] Ну мы готовы рассказать всё/ что **вам** интересно [Рубрика «Народы Москвы» на телеканале «Вечерняя Москва» (2015)] — говорящий обращается к ведущим, которые задают ему вопросы, и одновременно — к зрителям.

ИРУ'_{письм}^{ДИАЛ} ИРУ_н': Мы желаем краснозвездцам и в дальнейшем предметно анализировать ход военного строительства в России, в том числе и в сфере воздушно-космической обороны, радовать читателей острыми, интересными материалами. С юбилеем **вас**, коллеги! [Петр Ильин. Новости ВКО // «Воздушно-космическая оборона», 2003.12.15 **Мы с тобой** на кухне посидим... [О. Мандельштам]

ИРУ'_{публ.}: [Нина Алексеева, жен, журналист] Но/ прежде чем мы начнём с **Вами** нашу экскурсию/ давайте/ уважаемые радиослушатели/ внима-

ние! [Нина Алексеева, В.Н. Котова. Беседа с научным сотрудником краеведческого музея г. Тольятти В.Н. Котовой в передаче «Наша летопись» (2006)]

II. Вторичные референтные употребления

ПРУ_{ты}: — *Максим/ вы тогда скажите/ что такое средний класс?* [Беседа в Петербурге (2004)]

ПРУ'_{ты}^{ЛПР}: *Я вас любил так искренно, так нежно, // /Как дай вам бог любимой быть другим* [А. С. Пушкин. «Я вас любил: любовь еще, быть может ...» (1829)]

ПРУ_{он}^{ФАМ}: [Комментарий на форуме под фотографией мамы с маленькой дочкой — пользователь Ирина] *Какие же вы уже большие!* [Интернет — URL: <https://www.babyblog.ru>]

III. Нереферентные употребления

НРУ_у: [Симон Шноль, муж, ученый] *Когда вы читаете одну и ту же фразу вперёд и назад/ все знают/ что это называется палиндромом* [Симон Шноль. Космофизические факторы в случайных процессах. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)]

НРУ_э: *А вы, надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов...* [М.Ю. Лермонтов]

НРУ'_э^{РИТ}: *Трав духовитых дыхание, // Берег, стрекозы и зной, // Даже в минуты прощания //Вы остаетесь со мной* [Вс. А. Рождественский. «Вижу себя уже издали ...» (1972)]

НРУ_р: *Наш народ после распада Союза, как вы, русские выражаетесь, нахлебался горя* [Акрам Айлисли, писатель: «Я хотел сжечь свои книги...» // «Известия», 2002.08.14]

IV. Лексикализованные употребления

ЛУ_{у вас/к вам}^{ДЕТ}: *Поговори там с кем-то у вас на работе, кто удачно менялся, слышишь?* [Юрий Трифонов. Обмен (1969)] / — *Подождите меня! — закричал я. — Я сейчас к вам приеду. Я его старый друг* [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)]

ЛУ_{по вам}^{М/Я}: *Народ! Как по вам DOOM3? ответим, что по нам DOOM3 — это полный отстой...* [Компьютерные игры (форум) (2005)]

ЛУ_{по вам}^{НОМ}: *ТЕЛЕЦ В эти дни все будет не по вам, и все будет вас ужасно раздражать* [Бастрич Александра. ПОБОЛЬШЕ КОНСЕРВАТИЗМА! // Труд-7, 2006.04]

ЛУ'_{по вам}^{ПАР}: *А продавец поет: «Прям как по вам сшито»...* [Наталья Градина. Продавцы и покупатели устали друг от друга // Известия, 2006.01]

ЛУ_{не про вас}^{НОМ}: *И вам кажется, что «вред окружающей среде» — это не про вас?* [Евгений АРСЮХИН. Чиновники гонят капиталы из России // Комсомольская правда, 2013.07]

СУ_{ср.р.}: *Просьбу! вы?.. а! это уж еще что-то новое... это холодное вы, после столько клятв и уверений, после столько доказательств искренней*

нежности... похоже на проклятие [М. Ю. Лермонтов. Два брата (1834-1836)]

СУ'_{ср.р.}^{AP}: Оказывается, она знала не только слово «ты», но и слово «**вы**» [Юрий Дружников. Виза в позавчера (1968-1997)]

VI. Фразеологизованные употребления

ФУ_{вы} [Быть на вы с кем-либо]: — Ты на **Вы** с дядюшкой... // — Конечно! Я всегда со старшими на **Вы** [Туманов Д.. «Мой дядя хлопотал недаром...» // Советский спорт, 2008.08]

ФУ'_{вы} [Быть на вы с чем-либо]: То же самое можно сказать о рекламе, высмеивающей пожилых, которые на «**вы**» с высокими технологиями [Анна Логутова. Расизм, сексизм, эйджизм // lenta.ru, 2015.12]

ФУ_{вы} [Переходить на вы с кем-либо]: Я не жду обычно реакции от партнерши, но, как бы спохватившись, **перехожу на «вы»** [Герард Васильев. Роли, которые нас выбирают (2002)]

ФУ_{вы} [Сударь / дорогой вы мой]: — Вы постоянно думаете о чем-то своем, а я должен отвечать на ваши вопросы, с какой стати, **сударь вы мой?** [Юрий Азаров. Подозреваемый (2002)]

ФУ_{вы}^{OK} [Иду на вы]: И вот почему: с самого начала новый министр природных ресурсов **пошел «на вы»** с очень серьезными людьми [Никулин Александр. ТЯЖКАЯ РАБОТА // Труд-7, 2001.10]

ФУ_{вас} [Чтоб вас]: — Чего? Сойти, что ль, кому? В ответ раздавался дружный хохот. // — А, **чтоб вас разорвало!** — ругался шофер [Борис Можяев. Саня (1957)]

ФУ_{вам} [Чтоб вам пусто было]: — Знать вас больше не желаю! Подонки!.. Алики! **Чтоб вам пусто было!** [Александр Вампилов. Утиная охота (1968)]

ФУ_{вам} [Вот вам]: Вот сейчас мы запретим им усыновлять наших детей, и они будут плакать и рыдать, а мы смеяться дьявольским смехом: **вот вам!** [Анна ГЕРАСИМЕНКО. Не дадим усыновлять наших детей. Кого этим накажем? // Комсомольская правда, 2012.12]

ФУ_{вы} [Идите вы на...]: — **Идите вы на фиг**, Татьяна, со своей катарактой! [Станислав Акимов. Чужие письма: журнал «Малые народы» // «Хулиган», 2004.07.15]

ФУ_{вас} [Ну вас]: Общественность говорит: **ну вас**, ребята, нам интересны Парфенов с Шевчуком [Альфред Кох: «Сегодня нет ничего реальнее, чем интернет» // Ведомости, 2011.12]

ФУ_{вас} [С вас станет(ся)]: Может, это Вы ее надоумили, сумасшедший? Ведь с **Вас станет** тряхнуть стариной, воспользоваться, например, веревочной лестницей или допустить еще что-нибудь несусветное... [Булат Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971-1977)]

ФУ_{вас} [Хватит / будет с вас]: И общий посыл изменений вполне понятен: доучивайтесь в магистратуре, и **хватит с вас** [Ксения КОНЮХОВА. В

гуманитарии не ходи — в физики иди! // Комсомольская правда, 2012.12]

ФУ_{вас} [С вас причитается]: Конечно, не в этом дело, но в Праге, Володя, с вас причитается [Владимир Рецептер. Ностальгия по Японии (2000)]

ФУ_{вам} [Наше вам]: На том комсомольском собрании маму выгнали из комсомола и из института. // — *Наше вам с кисточкой*, — сказала она, кстати, отличница, комиссии, поклонившись и театрально сняв воображаемую шапочку [Маша Трауб. Плохая мать (2010)]

ФУ_{вы} [Что бы вы думали?]: Людям предлагали достойный, готовый имидж, которым, казалось бы, можно только гордиться. И что бы вы думали? Не принимают [Ольга Балла. Люди междумирья // «Знание - сила», 2005]

В результате получены следующие количественные данные: местоимение Я — всего 40 типов употреблений; местоимение ТЫ — всего 48 типов употреблений; местоимение МЫ — всего 43 типа употребления; местоимение ВЫ — всего 34 типа употребления. Количество типов употреблений по разновидностям по каждому «лексикографическому портрету» для удобства восприятия представлено в графической форме (см. Табл. 2.1).

Таблица 2.1.

Количественный состав типов употреблений местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ

Типы употребления	Я	ТЫ	МЫ	ВЫ
Первичные референтные употребления	11	9	9	5
Вторичные референтные употребления	0	1	14	3
Нереферентные употребления	2	3	6	4
Лексикализованные употребления	9	11	6	5
Субстантивированные употребления	5	2	2	2
Фразеологизованные употребления	13	22	6	15
Итого	40	48	43	34

Данное описание, на наш взгляд, имеет определенные преимущества над традиционными толкованиями, представленными в большинстве существующих словарных и грамматических описаний в научной литературе и лексикографической практике в силу того, что оно учитывает гораздо больше значений МЫ (ср., например, в БАС — только 10 ЛСВ, в «Краткой русской грамматике» — 9 ЛСВ, включая «вторичные значения», в остальных источниках и того меньше), которые реально возникают в разных типах речи и в разных коммуникативных условиях.

Также, в отличие от традиционного формата «списочного состава» значений, принятого в словарях, в данном описании представлены значимые семантические и функциональные связи и отношения, возникающие между разными типами употребления в аспекте «семантической деривации», т.е. выявлена их иерархическая структура.

Кроме того, данное описание носит комплексный, «интегральный» характер, т.е. включает в себя не только собственно семантические, но и референциальные, коммуникативные и прагматические особенности функциони-

рования местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в том или ином типе употребления, с учетом разных типов речевых ситуаций и типов речи («видов дискурса»), различных статусов коммуникантов и разнообразных коммуникативных задач говорящего.

Даже беглый взгляд на чисто количественные результаты проведенного анализа может привести к определенным наблюдениям над особенностями языковой концептуализации мира, заложенными в речевых практиках носителей русского языка. Так, максимальное количество употреблений (48) выявлено для местоимения ТЫ, а минимальное — для ВЫ (34). Это может расцениваться как косвенное свидетельство в пользу отмечаемой многими учеными тенденции к большей значимости для «русского мира» моделей неформального, неофициального общения и обращения к человеку как носителям таких особенностей, как искренность и задушевность, в противоположность сниженным в оценочном плане моделям официального общения и обращения как выразителей потенциальной неискренности, искусственности форматов речевого взаимодействия между людьми.

Наличие большого количества универсальных, экзистенциальных не-референтных употреблений для МЫ, а также подавляющее преимущество в количестве вторичных референтных употреблений (14 против, соответственно, 0 для Я, 1 для ТЫ и 3 для ВЫ) в свою очередь, может указывать на значительный ценностный потенциал этого местоимения метафорически выражать, отрываясь от чисто дейктической функции, идею общечеловеческой общности, идею кооперативности, совместности человеческой деятельности на Земле, идею обобщения людей в сверхличностные единства по значимому признаку (этнос, род, государство, семья и пр.), а также идею объединения участников коммуникации с говорящим в некую нерасторжимую целостность (МЫ = Я, МЫ = ТЫ, МЫ = ОН / ОНА / ОНИ и под.).

В свою очередь, большое количество фразеологизованных употреблений для всех личных местоимений, а особенно для ТЫ (22) и ВЫ (15), в меньшей степени Я (13), может доказывать тот факт, что местоимения — это нечто большее, чем просто облигаторные механизмы для осуществления референции к участникам коммуникации в режиме актуального речевого общения. Оказывается, они располагают существенными возможностями для выражения важных культурных смыслов, способствуя закреплению и ретрансляции образов, положенных в основу фразеологизма, а также, практически «на равных» с обычными номинативными единицами, демонстрируют значительный экспрессивный потенциал, участвуют в актуализации разнообразных моделей лингвокреативности, пополняют языковой фонд образных средств.

В соответствии с принятой концепцией исследования, коммуникативно-прагматическое описание типов употреблений личных местоимений как явлений языка и речи должно быть дополнено исследованием их разнообразных содержательных и коннотативно-оценочных трансформаций под влиянием экстралингвистических факторов.

В главе III «Русские личные местоимения в лингвокультурологическом и когнитивно-дискурсивном описании» рассматривается национальная и культурная обусловленность личных местоимений как отражение специфики языковой концептуализации мира этносом, референтными группами и индивидуумом, в том числе в сфере ценностей (раздел 3.1), а также особенности дискурсивного варьирования личных местоимений в дискурсах разного типа, в том числе в манипулятивном дискурсе (раздел 3.2).

Русские личные местоимения, отрываясь от своей непосредственной дейктической функции указывать на участников коммуникации, обнаруживают значительный потенциал в отображении и интерпретации значимых для человека аспектов внеязыковой действительности. Они активно используются в самых разных типах речи для маркирования «круга своих», «наших», в противоположность «чужим», для приобщения личности говорящего к неким сверхличностным общностям — общенациональным или общечеловеческим идеалам и ценностям, культурно значимым моделям поведения и пр. Все это предопределяет необходимость выявления как специфики функционирования местоимений Я, ТЫ, МЫ, ВЫ в «культурном пространстве», так и обусловленности этой специфики описанными выше коммуникативно-прагматическими свойствами данных местоимений.

Так, местоимения Я (и МОЙ) в лексикализованных употреблениях и в составе фразеологизованных конструкций выражают целый комплекс национально-обусловленных культурно-ценностных смыслов, связанных с особой выделенностью позиции говорящего, с особой значимостью его мира: *Ох уж этот мне Х; Без меня меня женили; Будет с меня.*

Лексикализованные и фразеологизованные употребления местоимений ТЫ (и ТВОЙ) отражают уже другую сторону «русского мира ценностей», связанную с установкой на повышенную эмоциональность общения, на душевность, не предпочтение неформальности и неофициальности коммуникации, на эмпатию по отношению к другому: *Быть, переходить* и т. п. *на ты с кем-либо, говорить ты кому-либо; Выпить, пить на ты с кем-либо*

Местоимения МЫ (и НАШ) в лексикализованных употреблениях и в составе фразеологизованных конструкций вообще обладают повышенной культурной значимостью, потому что воплощают идею «своего круга», общности людей и их единения на основе духовной близости: *между нами* — как наречие, в значении ‘в определенной среде, в узком кругу людей’.

Лексикализованные употребления ВЫ (и ВАШ) и фразеологические единицы, в состав которых входят местоимения ВЫ (и ВАШ), отображают своего рода «отстройку» от чужих ценностей и предпочтений, т.е. ostranenie и снижение ценностей другой, противопоставленной группы в контексте как архетипической культурной оппозиции СВОЕ — ЧУЖОЕ. В этой связи интересен устаревший фразеологизм *иду на вы...*, который в последнее время активизировался в ироническом употреблении: *И вот почему: с самого начала новый министр природных ресурсов пошел «на вы» с очень серьезными людьми.*

Далее были проанализированы речевые употребления русских личных местоимений в качестве средства групповой и индивидуальной оценочной интерпретации действительности в культуре и языке.

Было показано, что местоимение Я в ценностном аспекте, в противопоставлении ТЫ, МЫ и ВЫ выражает ценностно-значимое представление об уникальности и неповторимости Я, о самодостаточности и духовной значимости человеческой индивидуальности: — *Не знаю, как **ты**, а я надеюсь только на свои силы*; — *Вон, — орал он, топая ногами, — вон! Не вы уходите, я выгоняю! Вон!*

Местоимение ТЫ в ценностном аспекте, в противопоставлении ВЫ, выражает позитивно-оценочную маркированность задушевного и неформального, неофициального модуса общения между людьми, идею о его ценностном приоритете над коммуникацией, регламентированной официальными, статусными ролями говорящих. Интересно употребление *быть на ты* или *на вы с чем-либо*, т.е. с неодушевленным объектом) как знак хорошего знакомства с какой-либо сферой или, наоборот, слабого знакомства : *Мой сын с компьютером на ты; То же самое можно сказать о рекламе, высмеивающей пожилых, которые на «вы» с высокими технологиями.*

Местоимения МЫ и ВЫ используются для отождествления себя (в случае с МЫ) с некоей ценностно значимой для него группой лиц, объединяемой чаще всего по культурно маркированному признаку или для противопоставления себя ей (в случае с ВЫ) Это может быть указание на этническую, идеологическую, профессиональную, социокультурную и пр. общность. Такие МЫ и ВЫ получили в работе наименование «ценностные», «идеологические» МЫ и ВЫ: *Всё равно мы — патриоты, патриоты нашего города, нашей России; Вы не патриоты, вы троглодиты, не умеющие и не желающие просчитывать свою жизнь на шаг вперед.*

В целом мы заключили, что личные местоимения служат для выражения общей оценочности, при которой говорящий, употребляя личные местоимения, как бы отождествляет себя со всем человечеством, и для выражения частной оценочности, при которой говорящий отождествляет себя с ценностно значимой референтной группой (этнической, религиозной, политической и пр.). Ценностно ориентированные употребления Я, ТЫ, МЫ и ВЫ могут задавать разный тип оценочной реакции говорящего на мир: она может быть направлена на объединение, на противопоставление и на выделение какой-либо референтной группы или (в случае Я) на ценностное выделение индивидуума из совокупности людей.

На следующем этапе исследования в главе было изучено дискурсивное варьирование личных местоимений в разных речевых практиках, под которым в работе понимаются разнообразные речевые, неузуальные смысловые и оценочные преобразования личных местоимений в дискурсах разного типа.

Сначала были рассмотрены стилеобразующие и текстообразующие функции личных местоимений. Под стилеобразующими функциями мы понимаем использование местоимений в качестве средств языковой выразительности, их роль в создании приемов «языковой игры», разнообразных

стилистических тропов и фигур. Местоимения Я, ТЫ, МЫ и ВЫ в поэзии, в риторических жанрах, в политическом дискурсе и рекламе принимают участие в построении стилистических тропов метафоры (*Мы — ваше будущее!*), метонимии (*Мы стали неудобным городом!*), анафоры (*Его я знала долго, близко, // Ты всех лишён его примет, // Ты — не любовная записка, // Ты — объявление «хода нет!»...*), стилистических фигур антитезы (*Кто не с нами, тот против нас!*), эмфазы (*Это ты, ты сам угробил своего сына в тот день, когда породил его на свет и уготовил одно своё же нитьё...*), анади-плюзиса (*Таковы и мы; мы не слепы от рождения, — мы делаемся слепыми, потому что видимое нам закрывает взор к невидимому*), эпанодоса (*И вот уже не я // Предчувствую тебя, а ты предчувствуешь меня...*), умолчания (*Делай во всём, как тебе лучше. А я... Не договорил*) и пр.

Также было показано, что русские личные местоимения реализуют многообразные текстообразующие функции в разных типах художественного текста (в нарративе и в лирике), в том числе используя в сильной позиции текста — позиции заглавия. Вообще в художественной коммуникации личные местоимения используются в неканонической коммуникативной ситуации, которая для нарратива и для лирики как двух оппозитивных модусов художественного освоения действительности строится по-разному. Иначе говоря, местоимения Я и МЫ возможны как в нарративе, так и в лирике, а местоимения ТЫ и ВЫ могут в норме функционировать лишь в лирическом модусе.

Итак, местоимение Я в нарративе в текстообразующей функции интересно прежде всего в случаях, когда оно участвует в приеме «игры на референциальной неоднозначности». Так, для романа в стихах «Евгений Онегин» непосредственно в повествовании Я выступает как Я Рассказчика, который гуляет вместе с героем по городу и выносит свои суждения о нем как о хорошо знакомом человеке: *С ним подружился я в то время. // Мне нравились его черты...* В «лирических отступлениях» Я принадлежит уже самому автору, который в том числе обсуждает ход создания своего же романа: *Я думал уж о форме плана // И как героя назову; // Покамест моего романа // Я кончил первую главу...* [А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»]. В лирических произведениях текстообразующие функции Я наиболее ярко проявляются в обыгрывании оппозиций Я и ТЫ, Я и ВЫ, Я и ОН / ОНА / ОНО / ОНИ (ср., например, название стихотворения Н.С. Гумилева «Я и Вы»).

Местоимение МЫ в лирическом тексте служит средством композиционной организации коллективного лирического субъекта стихотворения. В прозаических текстах оно использует свой потенциал метафорически обозначать некий класс лиц, выделенный или противопоставленный другому классу по какому-либо ценностно значимому признаку: *Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. // Попробуйте, сразитесь с нами! // Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, // С раскосыми и жадными очами!* (А Блок, «Скифы»). При этом игра на взаимодействии «дейктического» и «номинативного» МЫ может выступать как осознанный художественный прием, что доказывает текст романа Е. Замятина «Мы».

Местоимения ТЫ и ВЫ не имеют полноценного художественного бытия в нарративе, в силе деструкции эксплицитной позиции адресата в этом типе неконической коммуникативной ситуации. Местоимение ТЫ в текстообразующей функции в лирическом произведении использует весь богатый арсенал нереферентных, лексикализованных и субстантивированных употреблений. См. пример обобщенно-личного ТЫ в стихотворении И. Бродского: *Представь, что война окончена, что воцарился мир. // Что ты еще отражаешься в зеркале* (И. Бродский, «Новая жизнь»). Игра на референциальной неоднозначности проявляется в столкновении в одном контексте разных типов ТЫ — экзегетического и диегетического, а также ТЫ автореферентного и обобщенно-личного.

Текстообразующая функция для местоимения ВЫ, обозначающего множество людей, включая адресата, прежде всего затрагивает его экзистенциальные и универсальные нереферентные употребления. Оно служит главным способом концептуального и эстетического дистанцирования говорящего по ценностно значимому параметру от группы лиц — представителей мира, враждебного для лирического Я. Так, в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» именно местоимение ВЫ выступает как грамматическое средство выражения главного конфликта в этом лирическом произведении, который связан с противостоянием погибшего поэта и той, нечетко референциально очерченной группы лиц, которые прямо или косвенно повинны в его гибели: *Не вы ль сперва так злобно гнали // Его свободный, смелый дар // И для потехи раздували // Чуть затаившийся пожар?* (М.Ю. Лермонтов, «Смерть поэта»). Также текстообразующая функция ВЫ проявляется в столкновении в одном тексте ВЫ, обозначающего множество лиц, и ВЫ во вторичном референтном употреблении, вместо ТЫ (ср., например, стихотворение В.В. Маяковского «Нате»).

Затем в поле нашего исследовательского внимания попадет проблема дискурсивного варьирования личных местоимений в моделях манипулятивной коммуникации. Мы показали, что местоимения Я, ТЫ, МЫ и ВЫ употребляются в качестве «строительного материала» для таких приемов «языковой демагогии», как:

- «навязывание пресуппозиции»: — *Мы с вами на своем опыте знаем, что часто **нам** приходится платить за медицинскую помощь дополнительно* [Анастасия Нарышкина. 1 апреля российских пенсионеров начнут лечить по-новому // "Известия", 2003.02.21]. — С коммуникативной точки зрения здесь осуществляется насильственное включение адресата в круг людей, разделяющих некое мнение, которое сам адресат, может быть, и не разделяет.

- «воздействие при помощи речевых имплицатур»: *На самом деле, он был бы рад этой вести, и, кажется, отец это почувствовал. // — Я надеюсь, **ты не думаешь, что я** на это согласился? — спросил он тоном, исключаящим возражение. // — Нет, конечно, — соврал парень* [Ю. И. Лунин. Три века русской поэзии // «Волга», 2016]. — Суть приема заключается в том, что говорящий навязывает свою точку зрения адресату под маркой того, что якобы адресат этот вывод сделал сам;

- «игра на референциальной неоднозначности»: *Генеральный Секретарь ЦК КПСС выступает с речью: / — Через двадцать лет **мы** будем жить при коммунизме!* / Реплика из зала: — *А **мы**?* (старый анекдот) — Здесь в речи говорящего МЫ предполагает ‘мы с вами’ (инклюзивное), а адресат нарочито воспринимает его как эксклюзивное ‘мы с моими товарищами по ЦК КПСС’, благо контекст не дает прямого указания на инклюзивность или эксклюзивность понимания данного употребления

Кроме того, местоимение Я, используя в фразеологизованных конструкциях типа *не я, а...*, которые могут служить средством сокрытия истинных намерений говорящего, реализует стремление уклониться от ответственности за событие в глазах адресата: *«Помощи Европы прошу **не я, а** весь народ. Мы рассчитываем на вашу силу. Мы слышим много обещаний, но за ними хочется видеть конкретные действия», — заявила оппозиционный политик* [Тихановская рассказала, как будут протестовать белорусы // РИА Новости, 2020.12]. Местоимение ТЫ, используя в устойчивых речевых формулах типа *Разве ты не знаешь, что...*, способствует реализации манипулятивной тактики навязывания ложных умозаключений: — *Что-то произошло? // — А ты разве не знаешь?* [Лев Дворецкий. Шакалы (2000)]

Местоимение МЫ участвует в порождении целой манипулятивной стратегии, которая получила название «МЫ-изложение». Так, например, в докладе М.С. Горбачева читаем: *Сегодня **мы** обращаемся к Октябрьским дням, которые потрясли мир, ищем и находим в них и прочную духовную опору, и поучительные уроки* [М.С. Горбачев, Октябрь и перестройка: революция продолжается]. — Здесь МЫ — это все, кто разделяет наши убеждения, это прежде всего *партия*, да и весь *советский народ*, которые в то время часто, по мнению П. Серио [Серио 1991], выступают контекстуальными синонимами к МЫ.

Игра на противопоставлении нерелевантных экзистенциальных МЫ и ВЫ создает «ценностную поляризацию». Говорящий посредством их столкновения в дискурсе реализует коммуникативную стратегию «отстройки» от чужих ценностей: — *Ты смешной, — сказала она. — **Вы, русские**, вообще смешные. Потому что все принимаете на свой счет. А на свой счет надо принимать только деньги, остальное — спам* (Виктор Пелевин, «Бэтман Аполло», 2013). Во всех указанных случаях говорящий вовлекает адресата, помимо его воли, в свои модальные рамки, навязывая ему свою трактовку события, свои оценки.

На завершающем этапе когнитивно-дискурсивного анализа были изучены явления неузуальной субстантивации личных местоимений в дискурсах разного типа, которая связана с ненормативным расширением их сочетаемости с признаковыми словами — прилагательными, местоимениями-прилагательными, порядковыми числительными и причастиями. Были проанализированы модели неузуальных метафорических преобразований (*электронное Я; здешнее ТЫ; общее МЫ; обоюдное ВЫ*), метонимических преобразований (*бледное, слабое Я бродит: Надежда Яковлевна — вечное «ты»; московское «мы»; всякое «вы» есть часть «мы»*) и автореферентных упо-

треблений (языковое *Я*; перешел на грубое «ты»; произнес это великое «мы»; употребляя церемонное «вы»).

Получены интересные результаты необычной сочетаемости местоимений с признаковыми словами. Так, *Я* может быть: виртуальное, оцифрованное, национальное, животное, большое и малое, прежнее и новое, неокрепшее, потерянное, радостное, целебное, загадочное, непокорное, голое, чистое, ненужное, жалкое, тихое и т.д. В контексте метонимии *Я* может означать 'мое тело': *Его бледное, слабое Я бродит с маленьким фонариком...* *Ты* может быть: московское, сакральное, прилипчивое, нечаянное, драгоценное, вечное, таинственное и пр. *Мы* может быть: пресловутое, мнимое, лихое, умное, кружковое, условное, прямое, революционное, расплывчатое, огромное, короткое, ничтожное, последнее, жесткое, твердое, скромное, прочное, негативное и пр. *Вы* может быть: церемонное, дисциплинированное, почтительное, настороженное, странное, чуждое и пр.

Обобщенные данные по количеству типов неузуальных субстантивированных употреблений личных представлены в главе III в удобной для восприятия графической форме (см. **Табл. 3.1**).

Таблица 3.1.

Неузуальные субстантивированные употребления Я, Ты, Мы и Вы

Типы употреблений	Я	ТЫ	МЫ	ВЫ
Метафорические субстантивированные употребления	125	36	13	14
Метонимические субстантивированные употребления	10	14	54	4
Автореферентные субстантивированные употребления	13	22	29	24
Итого (общее число = 358):	148	72	96	42

Количественный анализ выявил значительное преобладание типов неузуальных субстантивированных употреблений *Я*, что, как нам кажется, связано с устоявшимися в мировой культуре моделями использования *Я* просто для обозначения индивидуальности, личности. Не случайно такое *Я* входит и во фразеологические обороты. Также немалое количество употреблений *Мы* можно объяснить богатыми референциальными возможностями этого местоимения обозначать ценностно маркированные множества лиц, объединяемых говорящим по самым разным признакам. С этим связано и преобладание метонимических моделей неузуальных субстантивированных употреблений *Мы* над метафорическими. Интересным представляется и обнаруженное в ходе количественного анализа численное превосходство автореферентных употреблений *Ты* и *Вы* над обычными субстантивированными употреблениями. Это связано с таким свойством стандартной семантики субстантивированных *Ты* и *Вы*, как указание на способ обращения, которое само по себе является метаязыковой операцией.

В заключении приводятся основные результаты и намечаются перспективы исследования. в данном диссертационном исследовании разработана практическая технология и процедура комплексного интегрального коммуникативно-прагматического описания местоименных слов на примере личных местоимений *Я*, *Ты*, *Мы* и *Вы* и предложены конкретные образцы построения их «лексикографического портрета», а также на значительном

текстовом материале апробированы модели лингвокультурологической и когнитивно-дискурсивной интерпретации рефлексов дискурсивного варьирования личных местоимений. Предлагаемое диссертационное исследование может быть востребовано в теории и практике современной лексикографии — составлении словарей нового типа (словарей грамматических единиц языка, идеографических и тематических словарей, словарей концептов культуры, лингвокультурологических тезаурусов, в том числе учебного типа).

Перспективы исследования связаны с применением разработанной методики коммуникативно-прагматического описания к «лексикографическому портретированию» других личных местоимений, прежде всего «лично-указательных» местоимений III лица ОН, ОНА, ОНО / ОНИ) и возвратного местоимения СЕБЯ, которые, так же, как и местоимения Я, ТЫ, и МЫ и ВЫ, обнаруживают широкий спектр вторичных референтных и нереферентных употреблений и существенный потенциал вхождения в механизмы лексикализации, субстантивации и фразеологизации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК, индексируемых в международных базах научного цитирования Web of Science и Scopus:

1. *Гранева И.Ю.* Местоимение «мы» в аспекте проблемы языкового манипулирования сознанием // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2008. — №2 (2). — С. 16-19. (0,3 п.л.).
2. *Гранева И.Ю.* Семантическая структура местоимения МЫ в современном русском языке // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2008. — № 6. — С. 89-93. (0,4 п.л.).
3. *Гранева И.Ю.* О референтном и нереферентном употреблении местоимения мы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2008. — № 4. — С. 206-210. (0,4 п.л.).
4. *Гранева И.Ю.* Местоимение МЫ и проблема языковой концептуализации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — № 2 (19). — С. 82-87. (0,6 п.л.).
5. *Гранева И.Ю.* Местоимение «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. — 2010. — № 4. — Ч. 2. — С. 494–496. (0,4 п.л.).
6. *Гранева И.Ю.* Русское личное местоимение «ВЫ» в рамках коммуникативно-прагматического подхода // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 6. — Ч. 2. — С. 136–140. (0,4 п.л.).
7. *Гранева И.Ю.* Субстантивация и лексикализация местоимения НАШИ в аспекте языковой концептуализации мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 6. — Ч. 2. — С.58–61. (0,25 п.л.).
8. *Гранева И.Ю.* Урок. «Значения и функции местоимения МЫ» // Русский язык в школе. — 2014. — № 8. — С. 36–39. (0,4 п.л.).

9. *Гранева И.Ю.* Местоимения *мы, вы и наши* в различных коммуникативных стратегиях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2015. — №2 (2). — С. 371–376. (0,4 п.л.).
  10. *Гранева И.Ю.* О культурной значимости русских личных и лично-притяжательных местоимений в составе фразеологизмов // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 74–87. (0,8 п.л.).
  11. *Гранева И.Ю.* Дискурсивное варьирование личных местоимений «МЫ», «ВЫ», «НАШИ» в современной русской речи: лингводидактический аспект // Актуальные проблемы обучения русскому языку: Сборник научных трудов. — Вып. XIII. — Брно, Университета им. Масарика, 2018. — С. 540-546. (0,6 п.л.).
  12. *Гранева И.Ю., Наговицына Н.В.* Личные и притяжательные местоимения русского языка как репрезентанты концепта «патриотизм» // Когнитивные исследования языка. — 2019. — Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике. — С. 157–162. (0,3 / 0, 15 п.л.).
  13. *Гранева И.Ю., Жуковская Л.И.* Выражение *наш менталитет* и *наша ментальность* в моделях речевой реализации национальной идентичности // Восток-Запад: пересечения культур: Статьи II Всемирного конгресса в Японии 2019 года / Университет Киото Сангё. — Киото: Издательство «Tanaka Print», 2019. — Том II. — С. 277–284. (0,5 / 0,25 п.л.).
  14. *Гранева И.Ю.* Русское личное местоимение «Я» в коммуникативно-прагматическом освещении // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2020. — № 5. — С. 197–203. (0,65 п.л.).
  15. *Гранева И.Ю., Радбиль Т.Б., Наговицына Н.В.* Культурная оппозиция «СВОЕ — ЧУЖОЕ»: русские личные и притяжательные местоимения в языковом воплощении концепта «ПАТРИОТИЗМ» // Przegląd Wschodnioeuropejski. — 2020. — № XI/1. — С.397–405. (0,6 / 0,2 п.л.).
  16. *Гранева, И.Ю.* Когнитивные механизмы выражения разных ролей субъекта в употреблении русского личного местоимения Я // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 3 (46). — С. 724-727. (0,3 п.л.).
  17. *Гранева И.Ю.* Лексикализованные употребления форм личных местоимений «я» и «ты» в русской устной речи: к вопросу о национальной специфике реплик в диалоге // Коммуникативные исследования. — 2021. — Т. 8. — № 3. — С. 511–529. (1,2 п.л.).
  18. *Гранева И.Ю.* Семантические преобразования русского личного местоимения «я» в процессах лексикализации и субстантивации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2021. — № 2. — С. 198-203. (0,6 п.л.).
  19. *Гранева И.Ю.* Фразеологизмы с местоимением Я в свете ключевых идей русской языковой картины мира // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2021. — № 21 (2). — С. 42–51. (0,9 п.л.).
- Монографии (в том числе коллективные):*
20. *Гранева И.Ю.* Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка («Лексикографические портреты» местоимений Я, ТЫ, МЫ

- и ВЫ»): Монография. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022. — 281 с. (14,7 п.л.).
21. *Гранева И.Ю.* Речевая реализация местоимений «МЫ» и «МЫ» в русском и чешском языках как явление синкретизма и переходности // Теоретические и прикладные аспекты лингвистической синкретологии: Коллективная монография. — Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2015. — Глава 9. — С. 153–166. (0,65 п.л.).
22. *Гранева И.Ю.* Русские личные местоимения как компоненты фразеологических единиц в лингвокультурном аспекте // Исследования русской и славянской фразеологии в диахронии и синхронии: коллективная монография / Ред. Л. Степанова, М. Доброва — Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. — Раздел 3.4. — С. 85–90. (0,3 п.л.).
- Публикации в других научных изданиях:*
23. *Гранева И.Ю.* Местоимение *мы* в когнитивном и коммуникативном аспекте // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе: сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции. — Пенза: РИО ПГСХА, 2006. — С. 9-12. (0,3 п.л.).
24. *Гранева И.Ю.* Местоимение *мы* в автореферентном употреблении // Арзамасские филологические чтения –2006 / АГПИ им. А.П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ, 2007. — С. 54-59. (0,3 п.л.).
25. *Гранева И.Ю.* Местоимение *мы* как средство ценностной ориентации в языковой картине мира // Язык и межкультурная коммуникация: сборник статей I Международной конференции / АГУ. — Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. — С.168-169. (0,2 п.л.).
26. *Гранева И.Ю.* Местоимение *мы* в лингвокультурологическом аспекте // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сборник научных трудов. — Тамбов: Грамота, 2007. — Ч. II. — С. 93-95. (0,2 п.л.).
27. *Гранева И.Ю.* Местоимение *мы* в системе языка и в речевой деятельности // Русская речь в современном вузе: Материалы Третьей международной научно-практической Интернет-конференции. — Орел: ОрелГТУ, 2007. — С.43-47. (0,3 п.л.).
28. *Гранева И.Ю.* О субстантивации личного местоимения *мы* // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: тр. и матер. Междунар. науч. конф. — Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. — Т.1. — С. 49-51. (0,2 п.л.).
29. *Гранева И.Ю.* Местоимение *мы* в лингвокультурологическом аспекте // Славянские языки и культура: Материалы Международной научной конференции. — Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2007. — С. 114-117. (0,3 п.л.).
30. *Гранева И.Ю.* Местоимение *МЫ* как средство национальной и культурной идентификации личности в картине мира // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник материалов VII Международной научно-

- практической конференции студентов и молодых ученых. — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2007. — С. 12-14. (0,2 п.л.).
31. *Гранева И.Ю.* Местоимение *мы* в языковой картине мира // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. — Нижний Новгород: изд-во НГПУ, 2007. — Вып. 6. — С. 75-80. (0,3 п.л.).
32. *Гранева И.Ю.* Местоимение *мы* в языке современных СМИ // Русский язык и проблемы современного образования: Сборник научных статей. — Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2007. — С. 42-46. (0,3 п.л.).
33. *Гранева И.Ю.* Личное местоимение *мы* в разных социальных вариантах языка // Социальные варианты языка — V: Материалы международной научной конференции. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. — С. 276-279. (0,3 п.л.).
34. *Гранева И.Ю.* Авторское *МЫ* в научной коммуникации // Языки профессиональной коммуникации: сборник статей участников Третьей международной научной конференции / Челяб. гос. ун-т. — Челябинск: Энциклопедия, 2007. — Т.2. — С. 35-38. (0,2 п.л.).
35. *Гранева И.Ю.* Местоимение «*мы*» как средство художественной выразительности // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции / РОПРЯЛ. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. — С. 126-130. (0,4 п.л.).
36. *Гранева И.Ю.* Местоимение «*МЫ*» в языковой картине мира этноса, социума, личности // Языковая семантика и образ мира: материалы Междунар. научн. конф. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. — Ч.2. — С. 55-57. (0,2 п.л.).
37. *Гранева И.Ю.* Местоимение «*мы*» в Интернет-коммуникации // *Rossica Olonoucensia XVIII. Olomoucké Dny Rusistů: Sborník příspěvků z mezinárodní konference.* — Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2008. — С. 65-69. (0,25 п.л.).
38. *Гранева И.Ю.* Семантика местоимения «*мы*» во вторичных референтных употреблениях // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: Сб. научн. ст. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. — С. 46-50. (0,2 п.л.).
39. *Гранева И.Ю.* Местоимение «*МЫ*» в современном русском языке // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы Междунар. науч. конф. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. — С. 69-74. (0,35 п.л.).
40. *Гранева И.Ю.* Местоимение *МЫ* в различных коммуникативных стратегиях // «Язык — когниция — коммуникация»: тезисы докладов международной научной конференции, Минск, 3-6 ноября 2010 г. / редкол.: З. А. Харитончик (отв. ред.) и др. — Минск: МГЛУ, 2010. — С. 263-264. (0,2 п.л.).

41. *Гранева И.Ю.* Местоимение "МЫ" и "МЫ" в современном русском и чешском языках // *Rossica Olonoucensia XXI. Olomoucké Dny Rusistů: Sborník příspěvků z mezinárodní konference.* — Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2011. — С. 121-124. (0,3 п.л.).
42. *Гранева И.Ю.* Личные местоимения как средство языкового выражения ценностей в русском национальном менталитете // *Язык, ментальность, текст в современной русистике: Тезисы I Международной научно-практической конференции, Гранада, 28.06.2011 — 01.07.2011.* — Granada, España: Universidad de Granada, 2011. — С. 55–56. (0,2 п.л.).
43. *Гранева И.Ю.* Местоимения МЫ и ВЫ во вторичных референциальных употреблениях // *Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора Виталия Михайловича Маркова): материалы Международной научной конференции (Казань, 18-21 апреля 2012 г.) / Казан. ун-т; Ин-т филологии и искусств; Каф. ист. рус. яз. и слав. языкозн.; Под общей редакцией Л.Р. Абдулхаковой, Д.Р. Копосова.* — Казань: Казан. ун-т, 2012. — Т.1. — С. 228–233. (0,4 п.л.).
44. *Гранева И.Ю.* Манипулятивный потенциал употребления местоимения «мы» в речевой практике современного российского общества // *Слов'янський збірник (Збірник наукових праць).* — 2012. — Вип. 17. — Ч.1. — С.23–27. (0,3 п.л.).
45. *Гранева И.Ю.* Местоимение МЫ на уроках русского языка в средней школе в рамках коммуникативно-деятельностного подхода // *Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона: материалы межрегион. научн. конф., г. Саранск, 22-24 мая 2013 г. / сост.: Э.Н. Акимова; Гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева», филологический фак.; оргком.: М.В. Мосин (сопред.) и др.* — М.–Саранск: ПРО100 Медиа, 2013. — С. 244-247. (0,3 п.л.).
46. *Гранева И.Ю.* Коммуникативно-деятельностный подход в изучении сложноподчиненных предложений на уроках русского языка в школе / *И.Ю. Гранева // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: человек, сознание, коммуникация, интернет: VI Международная научная конференция. Левен, Бельгия, 22-25 мая 2014 г. / МА-ПРЯЛ; Department of Slavonic and Eastern European Studies of the University of Leuven; Institut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego; Научн. ред. Т. Солдатенкова, Л. Шипелевич.* — Левен: Изд-во католического ун-та г. Левена, 2014. — С.562-567. (0,3 п.л.).
47. *Гранева И.Ю.* Манипулятивный потенциал употребления личных местоимений «МЫ» и «ВЫ» в речевой практике современного российского общества // *Русский язык: система и функционирование (к 75-летию филологического факультета БГУ): сб. материалов VI Международной научной конференции, Минск, 28-29 окт. 2014 г.: в 2 ч. / рекол.: И.С.*

- Ровдо (отв. ред.) и др. — Минск: Изд. центр БГУ, 2014. — Ч.1. — С. 41–46. (0,3 п.л.).
48. *Гранева И.Ю.* Местоимения «МЫ», «ВЫ» и «НАШИ» как репрезентанты аксиосферы в русской языковой картине мира // Русский язык в поликультурном мире: Сборник науч. статей IX Международной научно-практической конференции (8-11 июня 2015 г.): В 2-х ч. / Отв. ред. Е.Я. Титаренко. — Симферополь: ООО «Антиква», 2015. — Ч. II. — С. 48–53. (0,35 п.л.).
49. *Гранева И.Ю., Кудрявцева Е. Л., Мартинкова А. А.* Модульный игровой УМК «Дети мира»: геймификация образовательного пространства в поликультурной аудитории // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: Материалы V Конгресса РОПРЯЛ. — Казань–СПб.: РОПРЯЛ, 2016. — Вып. 5. — С. 1157-1162. (0,45 / 0,15 п.л.).
50. *Гранева И.Ю.* Путешествие по стране «словообразование»: опыт личностно-ориентированного подхода на уроках русского языка / И.Ю. Гранева // Русский язык в поликультурном мире / Сб. научн. статей: В 2-х т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. — Т.2. — С. 96-100. (0,4 п.л.).
51. *Гранева И.Ю.* Опыт комплексного лексикографического описания русских личных местоимений (на примере местоимения «мы») // Zbornik studii Katedry rusistiki Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Brno: Tribun EU, 2016. — С. 469-475. (0,4 п.л.).
52. *Гранева И.Ю.* Русское местоимение «МЫ» в свете проблемы «лексикографического портретирования» // STUDIA RUSSICA: Материалы Международной лингвистической конференции «Русская лексика: история и современность» (Будапешт, 20–21 октября 2017 г.): Отв. ред. А. Золтан, Л. Ясаи. — Будапешт: Будапештский университет им. Л. Этвеша, 2018. — С.88–93. (0,35 п.л.).
53. *Гранева И.Ю.* Русское личное местоимение «ты»: коммуникативно-прагматический аспект исследования // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.): Сб. науч. статей: В 2-х т. / отв. Ред. Е.Я. Титаренко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. — Т. II. — С.35-42. (0,35 п.л.).
54. *Гранева И.Ю.* Фразеологизмы с личными и лично-притяжательными местоимениями в русском языке: лингвокультурологический аспект исследования // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.): Сб. науч. статей: В 2-х т. / отв. ред. Е.Я.Титаренко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. — Т. II. — С. 183–189. (0,4 п.л.).
55. *Гранева И.Ю.* Культурологический подход на уроках русского языка и литературы как средство развития интеллектуальных и творческих способностей учащихся (опыт создания комплексного лингвокультурологического словаря) // /Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур: Международная научно-практическая конференция

- (9-11 октября 2018 г.): Труды и материалы / Под.ред. В.В. Орехова, Е.Я. Титаренко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. — С.111-113. (0,3 п.л.).
56. *Гранева И.Ю., Наговицына Н.В., Радбиль Т.Б., Юматов В.А.* Анализ «прецедентных феноменов» в лингвистической экспертизе российских медиатекстов // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете (МКР-Барселона 2018) / Ред.: Ж. Кастельви, А. Зайнульдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья. — Барселона: Trialba Ediciones, 2018. — С. 544–554. (0,6 / 0,15 п.л.).
57. *Гранева И.Ю.* Русские и чешские личные и притяжательные местоимения I и II лица в свете сопоставительной лингвокультурологии // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists (ISPOP). — 2019. — Vol.2/2. — № 1. — С. 3–35. (0,6 п.л.).
58. *Гранева И.Ю., Наговицына Н.В.* Дискурсивное варьирование местоимений МЫ и НАШИ в контексте языковой объективации концепта «патриотизм» // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля — 3 мая 2019 года) [Электронный ресурс] / Ред. кол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина и др. — СПб.: МАПРЯЛ, 2019. — 2082 с. — С. 425–429. (0, 3 / 0,15 п.л.).
59. *Гранева И.Ю., Радбиль Т.Б., Юматов В.А.* Манипулятивный потенциал русских местоимений в лингвистической экспертизе спорных текстов // Язык и метод–6: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI в.: Сб. научн.трудов / Ред. Д. Шумска, К. Озга. — Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 2019. — С. 147–153. (0,6 / 0,2 п.л.).
60. *Гранева И.Ю., Жуковская Л.И.* Особенности нереферентного употребления русских местоимений 1 лица в контексте языкового выражения национального менталитета // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей IV Международного симпозиума (9-11 июня 2020 г.): В 2-х т. / отв. ред. Г.Ю. Богданович, Е.Я. Титаренко. — Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. — Т. I. — С.419–425. (0,3 / 0, 15 п.л.).
61. *Гранева И.Ю.* Русские личные и притяжательные местоимения как репрезентанты ценностной картины мира.// New Trends in Slavic Studies. — М.: КРАСАНД, 2021. — С. 175–178. (0, 4 п.л.).
- Учебно-методические издания:*
62. *Гранева И.Ю.* Русское местоимение «МЫ»: лексикографический портрет в свете коммуникативно-прагматического подхода (Материалы к учебному словарю русских местоимений): Учебно-методическое пособие. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2019. — 60 с. (3,4 п.л.).

Подписано в печать 23.06.2022 г. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 2. Заказ № 807. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37